

18+

МИХАИЛ ШЕЛКОВ

ПРОЕКТ

КАЛЕВАЛА

КНИГА I

МЕЧ КОРОЛЯ АРТУРА

Михаил Шелков
Проект «Калевала»

«Издательские решения»

Шелков М. С.

Проект «Калевала» / М. С. Шелков — «Издательские решения»,

Скотт Брайан — молодой историк. Он не слишком доволен своей жизнью в большом городе. Семья и работа не радуют его. Неожиданно он получает приглашение в гости от друга-священника в небольшую шотландскую деревню. Приехав туда, Скотт узнаёт о странной находке, которую священник отыскал в подвале своей церкви. В итоге Скотт неожиданно оказывается вовлечён в опаснейшее приключение, в котором ему предстоит рисковать жизнью, потерять многих близких людей и встретить свою любовь.

© Шелков М. С.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Из Англии в Шотландию	8
Глава 2. Стерлингский мост	22
Глава 3. Последний из рода Дану	45
Глава 4. Пожары и бегство	56
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Проект «Калевала»

Книга 1. Меч короля Артура

Михаил Сергеевич Шелков

*Of Lancelot du Lake tell i no more
But this by leave these ermytes seven.
But still Kyng Arthur lieth there, and Quene Guenever
As I you newyn.
And Monkes
That are right of lore
Who synge with moulded stewyn
Ihesu, who hath woundes sore
Grant us the blyss of Heaven.*

Thomas Malory

© Михаил Сергеевич Шелков, 2016

© Александр Александрович Сахаров, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

* * *

Тяжёлые грузные своды каменной кельи нависли над двумя людьми, сидевшими за большим столом. Огни горящих свечей мерцали в полумраке, и человеческие фигуры отбрасывали огромные тени. Стены слегка подрагивали от хаотичных ударов снаружи, по камню разливался глухой рокот.

– Наверху опять огненный буран... – обыденным голосом проговорил высокий грузный человек в тёмном балахоне. Белая борода и облысевшая голова говорили о его немалом возрасте, но тело до сих пор оставалось наполненным жизненной силой.

Второй, ещё юноша, ничего не ответил. Огненные бураны были для него привычным явлением. Он был зачат во времена Старой Эпохи, а когда родился, мир уже изменился до неузнаваемости. И в этом мире силы стихии сотрясали подобным образом стены людских укрытий с незавидным постоянством. Огненный буран можно было слышать почти каждую неделю, а увидеть лишь один раз в жизни. Но тот, кто всё-таки видел это природное явление, рассказать о нём уже не мог.

– Возможно, новый мир когда-нибудь станет мягче и безмятежней... А мне же в нём пока скучно и тяжело... Не страшно, нет... Скучно! – крепкий старец взглянул на юношу, – Но это твой мир, и сделать его лучше под силу тебе и таким, как ты. А назиданием вам должны служить ошибки таких, как я... – он сделал небольшую паузу, – Ты помнишь, какой сегодня день?

– Учитель, ты знаешь, что я ждал его с нетерпением!

– Я понимаю, что вопрос, по сути, был напрасен, но уж в моём-то возрасте прости-тельно хранить порядок в речах и быть слегка дотошным. Итак... Мой дорогой ученик! Ты великолепно изучил историю прошлых эр и теперь знаешь о Старом Мире почти столько же, сколько знаю я. Настало время поставить конечную точку. Сегодня я начну свой рассказ о Конце Старого Мира! – лицо юноши невероятно оживилось, – Рассказ этот будет долгим, и, вероятно, отнимет у нас не один день... Да, кстати, заставляй тебя что-то записывать я не буду. Просто внимательно слушай... И накрой на стол! Я проголодаюсь быстрее, чем

закончу то, о чём хотел сегодня поведать. А прерываться в самой середине своей истории я крайне не хочу.

Молодой ученик быстро украсил пустой стол нехитрой пищей, хлебом, сыром и вяленым мясом, а также поставил перед своим учителем тарелку, кружку и большую бутылку холодной браги. На всех предыдущих уроках истории наставник вёл себя крайне сдержанно и старался дисциплинировать юношу. Тот даже не мог предположить, что свой самый главный рассказ учитель начнёт за обеденным столом, а от него, пока ещё несмышлёного воспитанника, потребует лишь внимания, без всех этих глупых записей и конспектов.

Учитель же отпил из кружки и стал собираться с мыслями:

– Ну что ж... Я начну... Хотя, право, ещё не знаю, с чего... Чтобы донести до твоего понимания всю историю Конца, мне иногда придётся обращаться к тем временам, о которых я тебе уже давно рассказывал. Иногда я буду сбиваться и перепрыгивать из эпохи в эпоху. Иногда говорить в прошедшем, настоящем и будущем временах одновременно... Звучит нелепо, не так ли?.. Да уж... Много тебе может казаться непонятным... Сначала... Но всё же постарайся не перебивать, а дослушать до того момента, когда я остановлюсь. Все вопросы задашь потом. А возможно, их и не возникнет, – учитель был готов вот-вот запутаться в собственных словах. Однако ученик его пока прекрасно понимал.

– Да-да, конечно же! Обещаю! – глаза юноши жадно смотрели на повествователя, а тот напрягал память. Казалось, что всё, о чём учитель собирается говорить, он когда-то сам наблюдал воочию. Слова он подбирал медленно и тщательно, но рассказ от этого не делался скучнее.

Повествование началось. Спокойный и приятный, но в то же время невероятно живой и мелодичный голос разливался по келье под аккомпанемент ударов огненного бурана. Ученик замер, едва услышал первые слова:

Чёрное бездонное небо со сверкающей россыпью звёзд раскинулось над необъятной пустыней. Наступала полночь. Невыносимая испепеляющая жара, господствующая в аравийских песках в солнечные часы, сменилась ночной прохладой. Возле небольшого костра сидел худощавый сгорбленный старик. На его теле почти не осталось мяса, и только дряблая кожа свисала с выпирающего скелета. Густые морщины и тёмно-коричневые язвы покрывали лицо. Рваные одежды потеряли цвет, сливаясь с пепельно-песочными конечностями. Седина густой бороды, свисавшей почти до пояса, была скрыта дорожной грязью.

Увидев этого старика впервые, можно было поразиться тому, как человек вообще смог дожить до такого возраста. Будто все жизненные соки уже давно покинули тело, но тело это до сих пор не хотело умирать. А если бы кто-то заглянул отшельнику в глаза, то увидел бы саму вечность... Старик был старше любого долгожителя, когда-либо обитавшего на земле. Он прожил не одну, не две и даже не сто человеческих жизней. Он прожил больше... И, в конце концов, человеком он тоже не был, хотя имел столь похожий облик. Зато он видел своими глазами всю историю человечества: от времени появления первых людей до современной эпохи.

– Время, время... – шептал старик, – Сейчас оно движется так быстро. А люди всё ускоряют и ускоряют его. Они строят большие города, чтобы выживать, а не жить в них. Они получают новые знания, но больше разрушают с их помощью, чем создают. Как хорошо и как долго я знаю их, но понять не могу...

Он посмотрел на небо. Звёзды!.. Они, как всегда, были слишком далеки и недоступны. Как же тяжело отшельнику было прожить такую долгую жизнь и не узнать даже небольшой толики всех великих тайн мироздания. А ведь он когда-то был так близок к Истине! Неоспоримой и единой Истине, где хранился секрет мироздания, тайна всей Вселенной. Но старик так и не узнал его, а ныне был обречён на безрезультатные поиски смысла существования. И в этих поисках он потерял страхи и беспокойство...

...Однако сегодня вдруг снова ощутил давно забытое чувство тревоги. Что изменилось в мире, он понять не мог. «Может быть, это предвкусение смерти, которая никак не приходила ко мне в течение многих эпох?» – предположил старик.

– Да, наверное, близко смерть... – продолжал рассуждать он себе под нос, – Но, к сожалению, не только моя... Похоже, это смерть всего нашего мира... Интересно, а что за день сегодня?

Предчувствие не обманывало отшельника. Действительно, звёзды знали о великих переменах и великой опасности впереди. А гибель прежнего мира неотвратимо приближалась... История человечества, которую старик лицезрел с самого начала, готова была вот-вот завершиться!

Костёр начал медленно затухать. Но неожиданно пламя вспыхнуло с новой силой и стало нервно метать огненные языки. Так могло случиться, если бы лёгкий вечерний ветерок резко сменился порывистым вихрем, атакующим то с одной, то с другой стороны. Но над пустыней стелилась совершенная тишь, а огонь костра продолжал колыхаться в беспокойстве. Так же беспокойно сделалось у отшельника на сердце.

Он давно потерял счёт времени, а даже если бы и узнал текущую дату, она бы ему ни о чём не сказала.

Окончилось тридцать первое мая, и наступило первое июня две тысячи пятнадцатого года. Безоблачный тёмный плащ полночного неба укрывал Аравийский полуостров. Такая же ночь, но с густой пеленой туч и ревущими грозами стояла над европейской частью России. Британские острова провожали вечер уходящего дня, а Япония встречала новое утро. И ни историк из Бирмингема Скотт Брайан, ни психолог из Волгограда Ольга Белова, ни художник из Киото Мурасаки Наоки ещё не знали, что совсем скоро судьба всего мира окажется в их руках...

Глава 1. Из Англии в Шотландию

Этим утром, первым утром наступившего лета, Бирмингем был, как всегда, прекрасен и неповторим. Солнце поднялось высоко и бросало свои лучи на стеклянные небоскрёбы и двухэтажные домики, на гудящие автострады и тихие спокойные каналы, на крышу центрального вокзала и белый купол кафедрального собора...

Бирмингем был многолик и разнообразен.

На широких улицах гудели машины, загораживали обзор огромные офисные и деловые центры, многоэтажные, выполненные в урбанистическом стиле. Даже городская библиотека, крупнейшая публичная библиотека Великобритании, недавно переехала из старого здания в духе серого бетонного авангарда в новое, похожее на шар-трансформер с серебристыми и золотистыми кольцами из алюминия вдоль фасада. С архитектурой будущего соседствовали строения из красного кирпича, всем своим видом заявлявшие об индустриальной мощи города в девятнадцатом и двадцатом веках. О старинной Англии, чопорной и патриархальной, напоминали протестантские приходы и многочисленные пабы, из которых в дни футбольных матчей раздавались подвыпившие голоса болельщиков клубов «Астон Вилла» и «Бирмингем». Об Англии же современной, со сменившимися нравами, громко голосили фестивали меньшинств и огромный гей-квартал.

Могло показаться, что у современного города-миллионника не было какого-то особого шика, своей изюминки. Но лишь на первый взгляд...

Если гость Бирмингема случайно заплутал в центре и поворачивал с оживлённых улиц к набережным многочисленных каналов, то ему открывался совершенно иной город! Город, в котором не было суеты, шума и толкотни. Человек словно перемещался в параллельную вселенную, настолько отличался нижний ярус Бирмингема от верхнего. По набережным было разбросано множество ресторанчиков и кафе в итальянском стиле, по узким каналам неторопливо ковляла баржи-гондолы, длинные и неповоротливые, как лимузины на автострадах. А сама водная гладь в солнечную погоду отражала город зеркально...

Шотландец Скотт Брайан в это утро бежал по набережной, радуясь солнцу, радуясь водным зеркалам, радуясь жизни. Он успел очень сильно полюбить необычный город, но сейчас был рад поскорее покинуть его. Сбежать прочь. Так он стремительно направлялся в сторону центрального вокзала.

Скотт, как оказалось, был очень похож на Бирмингем. С виду – обычный человек, имеющий семью, работу, привычный круг общения. Но внутри него, в сердце, затаился иной, параллельный мир, таинственный и туманный, мир мечтаний и грёз.

Однако Скотту повезло меньше, чем городу. Если на таинственные набережные Бирмингема туристы заглядывали довольно часто, то внутренней мир Скотта остался непостижимым для людей, которых тот считал близкими. Наверное, для всех, кроме одного. Единственного понимающего друга, к сожалению, немного позабытого. Но сейчас Скотт изо всех сил спешил к нему.

Когда-то давно Скотт уехал учиться из родного Камелона, тихого местечка рядом с Фолкерком, в Глазго. Жизнь в Камелоне была скучна и однообразна, как и в любом другом небольшом поселении Шотландии. Чистые опрятные домики с ухоженными садиками могли радовать глаз проезжего путешественника или пожилого человека. Но молодые люди, полные сил и энергии, жизненных стремлений, лелеющие желание изменить мир, без сожаления оставляли свою малую родину и стремительно мчались туда, где шансов для самореализации представлялось куда больше.

Но со временем Скотт понял, что уклад жизни в Глазго ничуть не лучше. Крупный промышленный и деловой центр Шотландии диктовал свои законы с размеренным, неторопливым бытом без счёта времени. Оно будто бы застряло между серых грузных домов города.

Потому, получив образование историка и учёную степень магистра искусств¹, Скотт отправился покорять Лондон. Сначала столица Великобритании стала для Скотта самым комфортным местом на земле, местом, где он наконец-то мог себя чувствовать счастливым. Бешеный ритм жизни, казалось, был изначально предназначен для него. Его завораживали богатая история города, его архитектура, нравы, традиции... Но вскоре эйфория сменилась разочарованием... С каждым новым днём Лондон являл Скотту свои новые обличья, многие из которых молодой шотландец просто не мог принять.

Овладеть своей будущей профессией Скотту захотелось ещё в детстве, лет в десять, когда он впервые побывал на развалинах старинного шотландского замка, недалеко от Фолкерка. Это произвело на мальчика неизгладимое впечатление. В своих детских фантазиях он представлял, как башни этого замка устремляются к небу, повсюду развиваются яркие полотна с замысловатыми гербами, а из ворот колоннами отправляются в очередной поход тяжеловооружённые воины в стальных доспехах.

Взрослея, Скотт горячо желал, чтобы детские увлечения стали его основной работой в зрелом возрасте. В чём именно это должно заключаться, он даже не предполагал. Но в Лондоне, поначалу так ему понравившемся, Скотт мог применить своё образование, только работая гидом в различных туристических фирмах. Конечно, он также мог бы работать в университете, или, того хуже, в школе. Преподавать историю таким же студентам, каким он сам был недавно. Но вот этого Скотту не хотелось вовсе!

Работа гидом в каком-то роде давала простор для творчества. Скотт мог годами выковыривать новые и новые интересные факты из британской истории, делиться ими с другими, заодно заниматься научной деятельностью и даже прогрессировать в своей профессии. Вот только огромный город за всё время пребывания в нём так и не смог подарить Скотту даже доли тех эмоций, что подарили в детстве руины небольшого замка...

Скотту даже тяжело было фантазировать, рисовать перед глазами картины прошедших лет. Находясь в Тауэре, он не мог представить себе времена Вильгельма Завоевателя, потому что этому мешали бесконечные щелчки фотоаппаратов, раздававшиеся повсюду. На брусчатых улицах не оживали средневековые воины, вместо них по улицам бродили люди всех рас и национальностей, образуя безумную пёструю толпу. Скотт не был ни ксенофобом, ни националистом, но никак не мог смириться с фактом, что англичане, да и вообще британцы, по статистке уже не составляют даже половины населения многомиллионного города. А побывав в районах Ньюхэм и Брикстон, он вообще испытал культурный шок. Даже не хотелось верить, что Лондон может быть и *таким*... Но приходилось принимать как факт...

Тогда Скотт, может быть, впервые понял, насколько ему дорога его родная Шотландия, где он вырос и из которой бездумно сбежал. Даже старая Англия, где-то в пятидесяти милях² от Лондона стала радовать его своей патриархальностью и традиционностью.

Так, историка, ставшего гидом, постепенно начала раздражать его работа. Вслед за одним днём приходил другой, а у Скотта ничего не менялось. В итоге он стал терять ориентиры в жизни, ровно как и вкус к ней.

Возвращаться в милую, любимую и родную, но невероятно скучную Шотландию не хотелось, а существование в Лондоне с каждым днём всё более напоминало насильное заточение. Утешение Скотт находил лишь в паре-тройке старых пабов, куда с каждым днём заглядывал всё чаще.

Перемены наступили после встречи Скотта с Меган, юной, симпатичной жительницей Бирмингема. Они познакомились в Лондоне, затем молодой человек был приглашён в гости. И сложно сказать, в кого Скотт тогда влюбился больше: в Меган или в её город... По логике

вещей, в Бирмингеме не было ничего такого, что могло бы ему понравиться: суэта, сродни лондонской, те же районы неформалов и меньшинств, а ближе к окраинам – патриархальная скука. Но на то Бирмингем и был уникален! Его можно было полюбить просто так, за то, что он есть. И Скотту захотелось остаться в этом месте. Вкус к жизни вроде бы вернулся. А красивый роман в красивом городе подвёл шотландца к рубежу семейной жизни.

Работать гидом и дальше Скотту уже не хотелось. И он сделал шаг вперёд: открыл в городе небольшую туристическую фирму. Вскоре бизнес стал приносить скромный, но постоянный доход. Через год после переезда Скотт женился на Меган. Они стали жить недалеко от центра города в уютном доме. Из их спальни открывался милый вид, конечно же, на канал. Каменная набережная пролегла только по противоположной стороне водной артерии, и Меган разбила под окнами дома небольшой садик. Именно этот садик начал постепенно раздражать Скотта... Своей умильностью, уютом, тихой простотой...

Дело, конечно, было не в садике, а в самом Скотте. Но именно вид из окна стал для него наглядным отображением жизни, к которой он пришёл. Будучи человеком зрелым, здравомыслящим, Скотт так и не мог понять для себя, что же вокруг него происходит не так. Хотелось чего-то большего, чего-то необычного, запредельного... Скотт был мечтателем! Им же и остался. «Только я ведь мечтал о замках, а всё, что мне теперь приходилось видеть – стриженные зелёные кустики на фоне канала... К этому ли я шёл? И этого ли хотел? Тихий, спокойный быт, размеренность – всё это угнетало меня ещё в детстве и юности... Но тогда чего же я хочу в действительности? Сам не знаю... Глупости! Это жизнь, и с ней нужно как-то мириться!» – рассуждал Скотт день ото дня. Но подобные мысли никак не могли его оставить. Меган часто стала заводить разговоры о будущем, о детях. Скотт уходил от ответов. Он действительно не знал, что отвечать. Не знал, как поступить правильно. Запутался в своём сознании, возможно, в мечтах... Посещение пабов опять стало регулярным.

Скотт часто смотрел сквозь окно иного паба в вечернюю темноту, на самом деле устремляя взгляд много дальше. Впадая в прострацию, он оживлял свои детские фантазии. И там он снова видел огромный замок с высокими стенами и мощными башнями. Не совсем тот, который он построил на старых руинах. В грёзах Скотта этот замок достраивался, модифицировался... Он уже не был банальным средневековым оплотом для рыцарей, закованных в сталь. Этот замок теперь окутывала сказочная дымка, так и говорившая о таинственных временах, когда остров заселяли кельты и пикты, необычные существа, древние боги и полумифические герои, вроде короля Артура или волшебника Мерлина.

...И вот он, Скотт, полный отваги и решимости, под чёрными грозовыми тучами, озаряемый сполохами молний, подбирается к неприступной крепости. Она кажется абсолютно чёрной, но при очередной вспышке на стене замка очерчивается рельефный контур огромных камней кладки. Между длинными шпилями башен, что упираются в тучи, летает огнедышащий дракон. Извергнув очередную волну пламени, он опять скрывается в чёрной завесе. Мост перед воротами разрушен, и единственный шанс попасть в замок – это преодолеть тайную тропу, далее узкую, высеченную в стене лестницу, где крохотный проход наверху охраняют огромные каменные стражники. Указывает же на тайную тропу прекрасный белый единорог. Он встаёт на дыбы и издаёт ржание. Не похожее на конское, а какое-то возвышенное...

Но однажды витающие грёзы Скотта прервал телефонный звонок. Мечтатель вяло и отрешенно вернул свой взгляд в суету бирмингемского паба «Солодовый Дом». Он достал из кармана телефон и посмотрел на экран. Интерес к реальному миру проснулся сразу же, как только Скотт увидел имя абонента. Это был его старый друг, священник из родного Камелона, отец Эндрю.

Общение с отцом Эндрю во многом сформировало жизненные взгляды юного Скотта. Будущий священник с детства отличался умом и образованностью, но в своё время предпочёл карьеру военного. Он служил в Королевских вооружённых силах и даже участвовал в военной

операции на Фолклендских островах. Сразу же после окончания этой маленькой войны Эндрю написал рапорт об отставке и вернулся в Шотландию. Он стал более молчаливым и замкнутым. Многие спрашивали его о причинах, заставивших бросить службу, но Эндрю не отвечал ничего кроме *передумал* или *понял, что не моё*. Скотту, после того как они очень близко сошлись, Эндрю пару раз обмолвился о реальной причине. «Я многое увидел и более не хочу лишать людей жизни. Это не в моём праве», – говорил он с явной натяжкой, но искренне, видимо, переживая многие события внутри. «Раньше мне казалось, что солдат – это бравый парень в красивой форме, полный отваги и решимости. Но когда целишься в человека такого же, как и ты, только потому, что он носит другую форму и говорит на другом языке, задаёшься вопросом: „Зачем?“, а времени на ответ нет. Есть только время спускать курок...» – слова эти проносились обычно после очередного стакана крепкого виски и заливались ещё несколькими. Обдумывая их уже в сознательном возрасте, Скотт начал понимать, сколько человеческих жизней могут сломать даже самые незначительные военно-политические конфликты, о которых каждый день с такой непринуждённой лёгкостью сообщают СМИ.

После возвращения Эндрю обосновался в Камелоне, где погрузился в религию; он днями и ночами помогал дряхлому подслеповатому священнику ухаживать за древней, почти разрушенной церковью в маленьком городке. Через три года старик умер, и церковная сессия избрала Эндрю новым настоятелем³. Десятилетний Скотт жил недалеко от этого места и стал свидетелем того, как церковь Святого Джона начала обретать новый облик. Провести такую масштабную реконструкцию, которую осуществил Эндрю, может быть, не удалось бы даже профессиональной бригаде мастеров. Из старых развалин выросло ухоженное здание, которое могли посещать все жители Камелона. Ровно так же в мечтах Скотта в то время из древних руин вырастали замки.

Молодой священник заметил интерес соседского мальчика и как-то раз попросил его помочь в работе. Конечно же, Скотт согласился, а вскоре стал проводить у отца Эндрю все свободные часы и дни. Родители мальчика не видели в этом ничего плохого и не мешали подобному времяпрепровождению ребёнка. Отец Скотта любил Шотландию, но, будучи человеком нелюбопытным, знал про её историю крайне мало, общение же со священником всегда давало его сыну массу интересной информации. Но Эндрю не стал для Скотта наставником или ещё одним родителем. Несмотря на двадцатилетнюю разницу в возрасте, между ними завязалась самая настоящая дружба. Священник никогда не поучал Скотта, а лишь делился своим жизненным опытом, юного собеседника же всегда слушал внимательно и находил порой очень интересными некоторые его суждения. Вместе они часто бывали в Эдинбурге и в старых шотландских городах, много беседовали, обсуждая увиденное, порой спорили, но всегда получали удовольствие от общения друг с другом.

Скотт часто говорил священнику, что хочет совершить в своей жизни что-то великое и непременно связанное с Шотландией, возможно, сделать уникальное историческое открытие. «И что же?» – с улыбкой спрашивал Эндрю, – «Ты ведь не откопаешь огромный заброшенный город, не найдёшь исчезнувший когда-то народ. Наша страна уже давно не хранит тайн, а сами мы живём в быстром, удивительном веке. Если бы где-то рядом находился ещё один Стоунхендж, то его бы давно вычислили со спутников». «Нет», – говорил мальчик, – «Ведь всё равно остаётся столько неразгаданного, что находится за гранью понимания. Разве не может получиться так, что одна случайная находка перевернёт весь мир?». «Ну, возможно...» – разводил руками священник, хотя было видно, что не верил в это. «Знаешь», – иногда начинал он, – «Я тоже мечтал в своём детстве о чём-то *великом*. Потом грезил жадной подвига. Но вдруг... Понял, что моё *великое* вот здесь», – он показывал на церковь, – «Да, мой труд – и есть моё *великое* дело. И я этому рад. Раньше мне был нужен весь мир, а сейчас весь мир для меня – это церковь, чистая, ухоженная, с пристройками, кладбищем, садом».

Однако когда Скотт уезжал из Камелона, Эндрю его прекрасно понимал и не отговаривал. Он твердо знал: у каждого своя дорога. Друзья продолжили общаться по переписке и телефону, но с течением лет интенсивность общения становилась всё слабее. Последний раз Скотт видел Эндрю на своей свадьбе в Бирмингеме. Венчаться в Камелоне в той самой церкви Меган наотрез отказалась. Последние разговоры Скотта со священником ограничивались тем, что первый поздравлял второго по СМС с Рождеством и Пасхой, а второй благодарил его.

Тем больше удивил Скотта этот звонок. Он нажал кнопку ответа:

– Вот это да! Никак не ждал! Ну здравствуй, мой дорогой друг!

– Скотт!!! Скотт! Ты не поверишь! Это невероятно! – отец Эндрю буквально захлёбывался в словах, а его радостный голос переходил на крик, – Ты должен обязательно приехать! Как можно быстрее! Нет, немедленно!!!

– Что случилось? – удивился Скотт.

– Случилось то, о чём ты мечтал! Скотт! Мы на пороге того самого открытия! *Великого открытия!* Открытия во славу Шотландии!

– Так что случилось??? – к удивлению Скотта добавилась крайняя заинтересованность, а по лицу расплзлась счастливая улыбка, которой не было очень давно.

– Это долго объяснять! Ско-о-отг, приезжай!!! Приезжай как можно быстрее.

– Я приеду... завтра! Наверное, к обеду... Но всё же, может, в двух словах ты опишешь суть?

– Всё! Завтра к обеду! И только попробуй опоздать! – священник бросил трубку.

Скотт, всё с той же нелепой улыбкой, попытался прогнать свалившееся удивление и прийти в себя. Если фраза *на пороге великого открытия* поразила его, то слово *мы* просто ошарашило. Отец Эндрю противоречил самому себе, тому человеку, которого Скотт так хорошо знал.

Но удивления остались удивлениями, а Скотта зацепило ещё и другое... Старый друг, сам того не ведая, послал ему мощный сигнал. Скотту осточертел уклад его жизни, он очень хотел что-то изменить, но не знал, что именно. И не знал, с чего начать. Сейчас ему было всё равно, что ждёт его в родном городке, было всё равно, как поведёт себя жена, было всё равно, что станет с его работой после отъезда. Он почему-то совершенно исключил вариант, что поездка может занять всего лишь один или два дня и что ему потом нужно будет снова вернуться к привычному, опостылевшему образу жизни. Скотт был уверен, что с этого момента всё у него пойдёт иначе.

И здесь, нужно сказать, он не ошибся...

Скотт не желал долгого объяснения с женой, потому решил вернуться поздно ночью пьяным, а уже утром позвонить Меган или просто отправить ей СМС о том, что ему срочно нужно уехать. То, что по отношению к Меган это будет мерзким поступком, Скотта не слишком беспокоило в тот момент. Точнее, он даже не осознавал циничность своего поведения. Весь вечер он просидел за столиком, пробивая новые и новые пинты⁴. Только взгляд его уже был не туманным, направленным в никуда, а живым и весёлым, постоянно играющим. «Что же он нашёл?» – задавал себе вопрос Скотт, – «Нет, он не из тех, кто, находя черепок из Средневековья, брызгается слюнями от радости. И он знает, что я не из породы сумасшедших археологов, сдувающих пылинки с древнего бессмысленного предмета быта... Да что там! Я его вообще таким не помню. Значит, завтра меня ждёт что-то действительно стоящее!».

Скотт, как и предполагал, вернулся домой, когда Меган уже спала, и моментально заснул сам. Пробудился утром, когда жена собиралась на работу, но продолжил притворяться спящим. А услышав, как хлопнула дверь, подскочил, впопыхах собрал небольшой рюкзак с самыми необходимыми вещами и без завтрака выбежал из дома. Перекус в поезде с дешёвым сэндвичем и кофе, купленным на вокзале, обещал быть одним из самых вкусных в его жизни.

Всё вокруг радовало Скотта. Чувства забытого детства и приятная ностальгия бурлили в его сердце. Он возвращался на родину! И не на ту родину, где царил неумолимая скука, а туда, где его ждало что-то неожиданное и особенное. Скотт отправлялся в старый дом за своей новой жизнью! Сейчас, пребывая на душевном подъёме, он наплевательски мог посмотреть на всё: на любые опасности, лишения и потери; лишь бы его жизнь стала от этого более красочной и интересной.

Светило солнце; его свет разливался по перронам бирмингемского вокзала и отражался от окон поездов. Стояла сухая тёплая погода. Наступило лето! И ничто не могло омрачить настроения Скотта. Он опять с гордостью вспоминал, что носит именно это, почётное для любого шотландца, имя. Сегодня он вновь был готов поглядывать на англичан с презрительной ухмылкой и отпускать в шотландских пабах шуточки в их адрес. С рюкзаком за спиной и картонным стаканом с кофе он подошёл на седьмой путь, где его ожидал поезд до Глазго. Через пятнадцать минут вагоны тёмно-синего цвета двинулись в северном направлении.

В Глазго жили мать и отец Скотта, переехавшие сюда во времена его учёбы в университете. Но Скотт совершенно не собирался встречаться с родителями и вести усталые разговоры опять же о семейном быте. Их он отложил на потом. *Потом*, грозившее наступить после его *великого открытия*. Сразу же после прибытия в самый крупный шотландский город Скотт пересел на поезд до Фолкерка. Предпоследней станцией этого маршрута был его родной Камелон.

Кстати, именем своего города Скотт тоже всегда очень гордился. Из-за игры букв оно ассоциировалось у него с легендарным Камелотом, где правил король бриттов Артур. И Скотту порой очень хотелось, чтобы мифический Камелот не просто существовал, а существовал где-то в Шотландии, а не в южной Англии и не в Уэльсе, как гласили гипотезы, предполагающие его реальность. «А что?» – сказал себе Скотт, – «Может, великое открытие Эндрю и заключается в том, что он установил связь между Камелотом и Камелотом?» С подобными приятными домыслами Скотт уставился на экран окна поезда.

А там мелькали зелёные горы с серыми каменными проплешинами, не такие могучие, как на севере Шотландии, но родные и близкие. Глядя на них, Скотт окончательно забыл обо всём и стал просто наслаждаться красотой родного края. Эту красоту он не видел очень давно и даже стал забывать о том, что она существует. А она существовала всегда и являлась его взору вновь... прямо сейчас... под июньским голубым небом! Картины с пролетающими живописными пейзажами завораживали...

– О чём ты думаешь? – Скотта внезапно потеряли за колено.

Он вздрогнул от удивления, очнулся. Перед ним сидела маленькая девочка лет десяти, с белыми прямыми волосами, в очках в толстой оправе. Она внимательно смотрела на Скотта. Тот сразу понял, что ребёнок непростой, а замкнутый и мечтательный, эдакий никем не понятый фантазёр. Об этом говорили взгляд девочки, не слишком красивые черты лица и рассеянный неряшливый вид.

– Ты одна? – удивился Скотт: соседние сидения поезда были пусты.

– Мама сказала, что ей нужно немного отдохнуть от меня! – занудным и в то же время печальным голосом сказала девочка.

– А где она?

– В другом конце вагона. Ей не нравится, что я постоянно разговариваю. А я люблю разговаривать...

– И поэтому ты решила поговорить со мной? – спросил Скотт, получилось, что упрекающе. Девочка сразу же надулась. Мужчине стало стыдно. А ведь он пребывал в таком прекрасном настроении... Тут же решил исправиться и разговаривать ребёнка:

– Меня зовут Скотт.

– Меня Энн! – обида вмиг улетучилась.

– Куда ты едешь, Энн?

– В Фолкерк, к бабушке!

Скотт не знал, что ещё можно спросить, но вдруг девочка ошарашила его необычным вопросом:

– А ты веришь в единорогов?

– Э-э-э... – Скотт задумался. Ему очень хотелось сказать *да*. Действительно, ведь он постоянно только и мечтал, что о таинственном замке с драконом и единорогом. И почему сейчас запнулся, сам не знал. Видимо, решил быть честным с девочкой до конца. А если быть честным до конца, то получалось, что не верил. Мечтал, но не верил, – Наверное... Они есть! Просто прячутся... – в итоге Скотт просто глуповато пожал плечами.

– А я один раз видела единорога! – бодро заявил Энн.

– М-да? – Скотт попытался наиграть заинтересованность, – И где же?

– Как раз у бабушки дома! В Фолкерке! У бабушки есть большой сад! Не маленький внутренний двор, а большой настоящий сад! Там много деревьев и кустарников. И даже есть фонтан. Один раз, ночью, все в доме спали. А было полнолуние. А я одна не могла уснуть. И вдруг мне очень сильно захотелось выйти в сад... Я вышла, а у фонтана стоит *он*. Такой белый-белый... И грива прям светится. А в глазах, больших таких, луна отражается!

– Может, тебе всё это приснилось? – небрежно предположил Скотт. Он пытался говорить ненавязчиво, но девочке его позиция удовольствия явно не доставляла.

– Понятно... – Энн опять насупилась, – Ты мне не веришь!

– Ну почему же! – мужчина понял, что опять сказал глупость, – Верю. Просто мне кажется, что единороги просто так не придут к людям. Они существуют, но не здесь, где-то в другом мире. Ведь если бы они просто так разгуливали по нашим садам, то люди бы стали ловить их, охотиться на них. И единороги перевелись бы... – в это время объявили, что поезд прибывает к станции Камелон, Скотт лишь улыбнулся девочке, – Прости, Энн! Мне пора выходить!

– Всё-таки ты мне не веришь... – продолжала бурчать она. А Скотт ласково потрепал её по белой голове и выскочил в тамбур.

Остался небольшой осадок, что невольно обидел ребёнка.

Но сердце уже радостно заколотилось. Поезд затормозил около аккуратного ухоженного перрона. Скотт не мог дождаться момента, когда двери наконец-то откроются и он сделает первый шаг в своё забытое детство.

Он сошел на ухоженной станции, окружённой клумбами с летними цветами, маленький городок распахнулся перед ним. В груди точно укололо. Нежное и тёплое ностальгическое чувство стало разливаться по телу. А на глазах проступили крупные слёзы. Скотт их не стыдился.

«Почему же я раньше не испытывал подобного чувства?» – задал он вопрос сам себе. И тут же вспомнил, как давно не был в Камелоне. Шесть лет! Сколько всего поменялось за это время! Он смотрел на родные улочки, дома, деревья и узнавал их. Казалось, что даже узнавал человеческие лица. «Да-да, я же видел их почти каждый день, когда жил здесь», – восклицал про себя он. Одни постарели, другие повзрослели, так же, как повзрослел и постарел сам Скотт. Но оставался один нюанс. Вернувшийся скиталец узнавал почти всё и всех, но никто и ничто не узнавало его. Как на гостя смотрели на него не только люди, но и сам город. Камелон был для Скотта родным, но Скотт стал для Камелона чужим.

В этот день, проходя мимо зеркала на вокзале Бирмингема, он в очередной раз отметил, сколько в его внешности истинно шотландского: высокий рост, светло-рыжие волосы, такого же цвета щетина, грубая светлая кожа. А сейчас этот эпичный шотландец вспомнил себя мальчишкой, уезжавшим из родного города, конопатым, худым, неуверенным в себе. И вот мальчик вернулся мужчиной... «Но не поздно ли?»

Неспешными шагами где-то за полчаса Скотт дошёл до своего дома. Его родители иногда приезжали сюда. Не так часто, но порядок внутри и снаружи поддерживался. Траве и кустам в саду не давали разрастись, а в комнатах на мебели никогда не находилось места для пыли. Скотт некоторое время постоял у калитки дома, небрежно пролистав в голове очередную книгу воспоминаний. Но, не зайдя в дом даже для того, чтобы умыться и оставить вещи, он повернул в сторону Эндрю.

Рядом с уютной отреставрированной церковью Святого Джона было тихо и таинственно. Особых изменений за шесть прошедших лет Скотт не увидел, но в глаза бросалась новая черепица и невероятно большое количество цветов вдоль ограды и рядом с самой церковью. «Ну вот», – грустно ухмыльнулся он, невольно вспомнив садик Меган, – «Теперь ещё и садоводом стал. Только таким и делать невероятные открытия». Скотт нажал кнопку звонка на калитке, которая была заперта.

Отец Эндрю, в свои пятьдесят с лишним выглядевший невероятно хорошо, с радушной, но сдержанной улыбкой заковылял ко входу из церковной пристройки, являвшейся для него уютным домом. Скотт, ожидавший увидеть у друга вчерашние эмоции, заметил в его движениях напряжённость.

– Я очень рад... – сказал Эндрю тихо и как-то натянуто, но тут же обнял Скотта действительно искренне, так, как можно обнимать старого друга, которого давно не видел, – Проходи!

Сняв обувь и верхнюю одежду, затем умывшись, Скотт растянулся на старом диване напротив небольшого деревянного стола, который отец Эндрю смастерил сам.

– Заметь, сегодня я пунктуален, – улыбаясь, проговорил Скотт, – Ровно к обеду. А с радушным хозяином что-то случилось? Не знаю, куда пропало твоё вчерашнее безумное настроение, но, честно, сейчас меня занимает не это. Не помню, когда последний раз был таким голодным, а ты встречаешь меня пустым столом!

Священник усмехнулся. Тут же на столе появились свиная нарезка, копчёная утка, свежие ягоды, перемешанный с овощами жареный сыр. Стало ясно, что отец Эндрю всё же ждал Скотта и ждал именно к этому времени. Он не жаловал продукты из магазинов, покупал их только при необходимости, зато имел небольшой, но кормивший его с достатком, огород, получал съедобные подарки от соседей, а иногда рыбачил и даже охотился.

Поставив на стол последнюю тарелку, священник поймал взгляд гостя и скрылся на несколько минут. Скотт, конечно же, знал, где он пропадает в это время. Вернулся Эндрю с грязной запечатанной бутылкой в одной руке и небольшим бочонком в другой. Взгляды мужчин опять встретились, и Скотт своими глазами постарался передать похвалу и восхищение. Старый друг с годами не менялся. Несмотря на затворнический образ жизни, вкусно поесть и выпить отец Эндрю очень любил! В подвале его церкви хранились бочонки с элем и виски. После длительной выдержки виски разливался по бутылкам, а те запечатывались до наступления какого-либо важного события или дарились близким людям. Скотт разделял гастрономические слабости священника и буквально был влюблён в его волшебный подвал.

Пенный эль хлынул из бочонка в две массивные деревянные кружки. Друзья чокнулись и осушили их до дна. Скотт почувствовал приятную расслабленность в теле и принялся за еду. Священник медленно и аккуратно большим ножом срезал с бутылки пробку. Затем поднёс горлышко к своему носу и, закрыв глаза, медленно стал вбирать в себя запах. Завершив глубокий вдох, он одобрительно кивнул.

– Не удивлюсь, если этот виски старше тебя, – сказал Скотт.

– Не-е-ет, – потянул Эндрю, – Ты же знаешь, у меня только своё. Но это как раз самый первый розлив. Восемьдесят седьмой год!

– Мне не хватало своего хмельного подвала!

– Представь себе, что именно он стал косвенной причиной того, что мы сейчас встретились, – со странными нотками в голосе сказал священник, разливая виски в небольшие стеклянные стаканы.

– Ты нашёл одну из бутылок старого запаса и решил распить её со мной? – небрежно бросил Скотт.

– А почему нет? – уже с явным раздражением вставил Эндрю, – Скотт, ты хоть помнишь, когда был здесь в последний раз? Это же нелепо... Ты сегодня добрался сюда всего за два-три часа, а готовился к этому шесть лет. Так разве бутылка старого виски не тот повод, чтобы двое друзей наконец-то могли пообщаться? Если других поводов, как оказалось, нет!

– Повод... – согласился Скотт, пригубив виски и смакуя вкус на губах. При этом он был на сто процентов уверен, что причиной их сегодняшней встречи всё же стала не бутылка двадцативосьмилетнего виски, – Я знаю, что звучит глупо; но всё же, извини, мы могли бы действительно встречаться чаще.

– И правда, глупо, – согласился отец Эндрю. Он тоже отпил, – Знаешь, очень мягкий вкус, не ожидал...

– Не думай, что моё отношение к тебе как-то изменилось, – сказал Скотт, и это уже прозвучало как оправдание, – Ты для меня по-прежнему близкий друг, который мне очень много дал, который... воспитывал меня... – он сделал небольшую паузу, – Жизнь... Я сам не понимаю, чего хочу от неё. Семья, работа, быт – всё, как у всех. Это душит! И я рад, что ты вчера позвонил и дал мне повод для... ну, пусть будет, побега!

– Заметь, ты окончательно согласился с тем, что бутылка доброго виски – это повод для встречи, только сейчас!

Скотт только развёл руками.

– А если душит, то почему *не бежал* раньше? – продолжил отец Эндрю.

– Я насовсем! – Скотт резко изменил голос. Теперь он был дерзким и уверенным. – Я не вернусь к прошлой жизни. К дому, семье, работе. Понимаешь, я в пустоту падал! А твой голос мне вчера надежду подарил! Надежду, что можно жить по своим правилам: искать, стремиться, а не поддаваться событиям извне! Мне, конечно, крайне интересно, на пороге какого именно *великого открытия* стоим мы, – мы он особенно выделил, – Но даже если ты позвал меня выпить виски, я всё равно тебе благодарен! Друг! Ты опять повлиял на мою жизнь. Если ты не расскажешь о *великом* сегодня, я пойду искать *великое* завтра сам! Только потому, что ты мне внезапно открыл глаза.

– Брось, я не открывал глаза, это ты сам захотел, чтобы они открылись... Ты же знаешь, что мог ко мне в любое время... и без приглашения...

Священник замолк. Повисла тишина. Наконец он выдохнул:

– Но дело, и правда, далеко не в одной этой бутылке... – он держал её в руках и пристально разглядывал жидкость внутри, нарочно отводя взгляд от Скотта, – На самом деле у меня дилемма... Я уже обещал тебе, и после твоей реакции отказать не могу. Но и... Есть ещё кое-какие обстоятельства... Появились недавно... Я немного растерян...

Скотт весь день замечал в своём друге нервозность, но теперь отец Эндрю начал просто забываться и путаться в словах.

– Чёрт возьми! – выкрикнул Скотт, но тут же встретил упрекающий взгляд, – А, прости... – он вспомнил, что находится рядом с церковью и беседует со священником; немного помолчав, продолжил, – Так вот! Я тебя вижу таким впервые. Таким озабоченным, как вчера, и столь озадаченным, как сегодня. Честно, я не могу предположить, что случилось! Но если ты будешь что-то бубнить про себя, я думаю, что так ничего и не узнаю. Абсолютно ничего! А потому, расскажи мне всё и... *мы... вместе...* решим, как поступить лучше.

– Да, действительно! Прости! – священник встrepенулcя, – Тогда слушай! – он опять выдержал паузу, – Я возился в погребке. Хотел его немного расширить, – он улыбнулся при

этих словах, и Скотт улыбнулся тоже. – Разобрал кладку стены, стал копать и колоть землю и тут же наткнулся на ещё одну кладку! Я аккуратно очистил от земли всю стену. Сравнил камни кладок... Знаешь, вторая была положена совершенно в другое время, нежели фундамент: либо раньше, либо... позже. И это очень странно. Я восстанавливал церковь по кусочку, но не встречал предпосылок того, что здесь могут быть помещения, построенные в другие эпохи. Я осторожно выбил несколько камней из новой кладки, и за ними оказалась пустота. Я стал всё больше укрепляться в мысли, что этот новый подвал – место тайное! И я не ошибся! Представь, там был небольшой полый короб, предполагаю, что изначально он закладывался как гробница, буквально метра полтора величиной во всех направлениях, а посередине небольшой сундук... Явно из далёких веков! Честно, хотел дождаться тебя и вскрыть замки вместе. Но не утерпел! Всё же взломал! Замки заржавели, но дерево вокруг подгнило. Просто сковырнул их ломом...

Опять воцарилось молчание.

– Не томи! – попросил Скотт.

– Внутри я нашёл кое-что... – отец Эндрю резко встал и вышел в соседнюю комнату. Хлопнула дверца шкафа. Меньше чем через минуту Эндрю вернулся с небольшим подносом. На нём лежал свиток, которого священник боялся даже слегка коснуться.

Скотт внимательно осмотрел реликвию. Старая, уже не жёлтая, а бесцветно-серая бумага была готова рассыпаться в прах от малейшего дуновения. Сгорая от волнения дрожащими пальцами Скотт расправил пергамент, видимо, пролежавший в свёрнутом состоянии много веков. К его радости свиток распрямился, совершенно не собираясь обращаться в тлен. На тёмном мутном фоне довольно хорошо читались не потерявшие цвет чёрные чернила. Глаза Скотта забегали по буквам. Мозг пытался активировать все знания, полученные за прошедшие годы, ныне позабытые. По почерку, аккуратно выведенным буквам было видно, что их автор – человек высокого рода и положения. Но к концу текста строчки начинали гулять, а символы теряли ровность. Человек явно торопился...

Скотт ещё раз взгляделся в письмо: «Гаэльский язык, причём довольно древнее наречие, около десяти веков назад». Отдельные слова были ему понятны, но остальные он или не помнил, или не знал. Скотт довольно быстро, но внимательно прошёлся по всему тексту и добрался до подписи: «Виллем Третий Смелый, Лорд Дуглас». Причём лорд подписался среднеевропейским производным своего имени – *Виллем*, а в тексте также присутствовало английское имя *Уильям*.

«Дуглас был сподвижником и боевым товарищем самого Уильяма Уоллеса, самого знаменитого национального героя Шотландии! Неужели в этом тексте лорд говорит о нём?!» – взгляд Скотта продолжал судорожно бегать по тексту. Теперь он выделил для себя ещё два легко переводимых слова: «Стерлинг» и «Фолкерк». Это были города, при которых состоялись две самые знаменитые битвы Уоллеса с англичанами. Первая стала его триумфом, вторая крахом. Сомнений не было, Дуглас писал о Уоллесе! «Но здесь не стоит дата... К моменту поражения Уоллеса при Фолкерке Дуглас уже скончался узником в Тауэре...» – сути текста молодой историк так и не мог разобрать, как бы ни напрягал мозг.

– Сдаюсь! – резко выдохнул Скотт и посмотрел в глаза священника, но тут же опустил взгляд. Стало стыдно. Человек, мечтавший посвятить свою жизнь истории, не смог расшифровать первую же загадку, встретившуюся на пути. Загадку, которая бы могла стать *открытием* из его мечты!

Скотт смотрел в пол, он знал, что Эндрю в этот момент направил свой взор на него, ухмыляясь и празднуя свою победу. Оставалось только вздохнуть про себя: «Тот самый человек, который к *великому* никогда не стремился, замкнув свой мир на маленькой церквушке, случайно находит то, что другие не могут найти, посветив поискам всю жизнь. Да ещё ко всему,

он наверняка уже смог перевести то послание, которое я не смог расшифровать со своим образованием историка!»

– Победил, старый лис! – Скотт поднял глаза, – Сколько времени подряд я должен признавать себя неправым? – в голосе чувствовалось раздражение.

– Я и не пытался побеждать, это ты досрочно признаёшь своё поражение. А сдался ты, кстати, очень быстро. Скажу без язвительности – я разочарован! Скотт, ты ли это? Я могу просто поразиться, и поразиться с великой тоской в сердце образованию в современных в университетах. Чему вас учат?

– Я не могу прочитать и половины слов! Хотя до этого переводил со старого гаэльского без словарей!

– Интересно, что же ты переводил? Тексты из интернета? Скотт, если бы ты заезжал почаще в родной город, ты мог получать гораздо более полезные знания, – священник опять встал из-за стола и жестом позвал Скотта за собой.

Они прошли в комнату, откуда священник принёс свиток. Как и все помещения в доме Эндрю, она была обставлена просто, местами даже грубо, но со вкусом и колоритом. Хозяин открыл резные дверцы большого шкафа. Внутри, на полках аккуратно были сложены старинные книги.

– Собрал за два года, – указывая на них, сказал священник, – По окрестностям... не дальше чем за двадцать миль от Камелона. И теперь готов поспорить, в области языков старой Шотландии это собрание будет лучше университетских библиотек Глазго, Лондона и Бирмингема!

– И Оксфорда, и Кембриджа в придачу, – добавил Скотт, – Тебе ещё не надоело удивлять меня сегодня?

Священник горько усмехнулся:

– Нет! Это только начало.

– Ну, хорошо, – Скотт говорил с улыбкой, но с улыбкой уже доброй, и с некоторым трепетом, – Я знаю: ты прекрасно перевёл содержимое этого свитка. Усмири уже моё любопытство и расскажи, о чём там говорится.

Эндрю же с каждой секундой становился всё более задумчивым и грустным. Услышав просьбу Скотта, он лишь скривил рот и отрицательно покачал головой.

– Нет?! Может быть, хочешь вручить мне все книги своей библиотеки и заставить переводить меня самого?

– Боюсь, это единственный выход...

Скотт ничего не понимал:

– Ты мне приготовил такое наказание? Не глупо ли? Мы всё-таки друзья. А ты начинаешь себя вести, как строгий учитель, решивший проучить непутёвого ученика...

– Я же говорю, боюсь, это единственный выход. А не наказание, – с тем же задумчивым спокойствием проговорил священник, – Дослушай лучше меня до конца.

– Извини, – тут Скотт понял, что здесь кроется что-то более серьёзное.

– Свиток я нашёл позавчера вечером, потратил на перевод полночи и вчерашний день. Когда я перевёл весь текст, я сразу же позвонил тебе и... в штаб-квартиру церкви Шотландии, там, в Эдинбурге на Джорж-стрит. Сам понимаешь, всё-таки данный вопрос частично должен находиться в её компетенции...

– Да, конечно.

– Секретарь сказал мне, что Эдинбургская пресвитерия в срочном порядке рассмотрит факт моей находки, и мне перезвонят. Но я не думал, что они подойдут к вопросу настолько серьёзно. Примерно за полчаса до твоего приезда мне позвонил модератор нашей церкви⁵. Он спросил, сделал ли я перевод, и насколько он может быть точным. Я сказал, что выполнил перевод дословно. Его тон из вежливого официального сделался жёстким и даже грубым: «Никому

его не показывайте! Вы слышите? Дайте клятву!» Скотт! Дайте *клятву*! Как это понимать? Потом он сказал, что содержимое письма должно быть *немедленно* обсуждено на заседании парламента Шотландии. А также внепланово будет созвана генеральная ассамблея церкви!

– И ты удивляешься? Это нормально! Эндрю, ты в своей глуши забыл о суете мира. Конечно же, этот вопрос неотложный и важный! Пока не знаю, *что там*, но, видимо, ранее неизвестный факт о Уоллесе, а ни о ком другом там речь идти и не может, важен для всей Шотландии. Ну, вот ты и сделал открытие...

– Пока нет. В тексте свитка, в послании, я не увидел ничего такого, что требовало бы срочного созыва генеральной ассамблеи.

– Ещё вчера ты мне говорил, что *мы... на пороге... великого открытия!* – Скотт картинно делал в словах размеренные паузы.

– Я считал его великим для себя... и для тебя... Извини, если задеваю твои амбиции такими словами. То, что открытие может стать настолько масштабным, что будет рассматриваться на государственном уровне, я не предполагал.

– Эх! Не смог меня день подождать... Но что ты хочешь от меня сейчас? Чтобы я переводил текст по твоим книгам?

– Да. Я дал *клятву*. Значит, я её не нарушу. Я не покажу *его* никому. Но для себя я понял: *его* – это перевод. А не письмо на старогаэльском, – Эндрю протянул Скотту сложенный лист белой бумаги. Гость развернул его и увидел почти точную копию свитка. Буквы были выведены с такой же аккуратностью, как в оригинале, почерк почти не отличался, даже в конце, где буквы начинали нервно приплясывать.

– Есть ли смысл? Ты предоставишь свиток парламенту и ассамблее, а они уже подключат своих людей, – Скотт чувствовал себя расстроенным и ненужным: «Конечно же, именно я должен был заняться этой находкой! Житель Камелона, один из реконструкторов старой церкви, историк со степенью магистра и настоящий патриот Шотландии. Но нет! Заниматься ей, скорее всего, будут посторонние люди! Мир несправедлив!»

– Наверняка ассамблея спросит моё мнение. Я могу порекомендовать тебя как профессионала, – приободрил его Эндрю.

– Ты только что увидел, какой из меня профессионал.

– Всё же я хочу, чтобы ты сделал перевод. Какой-то тайный смысл ускользнул от моих глаз, и я чувствую, что уже никогда его не узнаю.

– За свитком приедут?

– Да, сегодня. Модератор сказал, около восьми вечера.

Скотт посмотрел на часы:

– Успеем допить бутылку.

– Я подумал о том же!

Напрасно Скотт надеялся, что в процессе распития язык священника развяжется и он хотя бы своими словами опишет суть послания Виллема Смелого. Эндрю то молчал и нервно потирал руки, то на время забывался и пытался разговаривать со Скоттом об отвлечённых вещах; о том, что его не устраивает в семейной жизни, о том, почему работа не приносит ему удовлетворения и так далее. Но здесь уже Скотт шёл на разговор вяло, не хотел перетирать то, от чего убежал прошедшим утром. Внутри молодого человека боролись любопытство и апатия. Конечно же, ему было невероятно интересно узнать суть содержимого: «Какой факт о Уильяме Уоллесе может поставить на уши политическую и религиозную элиту Шотландии?» Но банальная человеческая лень со свойственной для себя тяжестью удерживала вторую чашу весов. Скотт с ужасом представлял шкаф с пожелтевшими книгами, которые нужно было перелистать, а может быть, и прочитать: «Все! И вряд ли хоть одна из них окажется словарём со старогаэльского на английский». Может быть, только сейчас Скотт по-настоящему осознал, насколько скучна профессия историка. «Действительно, получается, что быть историком – это не откры-

вать сказочные замки с драконами и единорогами. Быть историком – это значит сидеть круглые сутки над пыльными книгами в поисках какого-то ранее неизвестного исторического события, описанного безымянным автором. И при этом непонятно вообще, происходило ли это событие на самом деле».

– А всё-таки возвращаться когда планируешь? – задал очередной вопрос Эндрю, и вдруг Скотта как ошпарило.

– Я же сказал, что насовсем! – чуть не вскрикнул он.

– Да, прости, подумал, что ты отказываешься...

– От чего? От перевода?

– От всего! – с какой-то несвойственной для себя жёсткостью отрезал Эндрю. Лень Скотта после этого моментально испарилась.

Снова вспомнив о тихом бирмингемском быте, молодой человек сказал самому себе: «И чего я боюсь? Я же приехал сюда *насовсем и за другой жизнью*. Может быть, этот свиток – подарок судьбы? Может быть, я открою что-то новое, причём открою это раньше официальной делегации!» Наверно, он не верил в это сам. Не верил, но знал, что у любого жизненного витка должно быть своё начало. Работа над переводом могла отвлечь его и на время заставить смотреть на мир по-новому. «А что будет дальше – покажет всё то же время! Сейчас же у меня есть неделя кропотливой работы! И нужно подойти к этому со всей серьёзностью».

– Поможешь донести книги до дома? – обратился он к Эндрю.

– Помогу, – согласился священник с почти ликующим выражением лица, – Давай прямо сейчас. Думаю, ассамблея может попросить предоставить источники перевода. Не хочу отдавать... Я эти книги десять лет собирал. Лучше сошлюсь на сомнительные ресурсы в интернете, а настоящие кладези знаний пока побудут под твоим присмотром.

Мужчины в два захода перенесли книги в дом Скотта, а затем вернулись к столу. Осталась четверть бутылки.

– Как думаешь, текст свитка может опорочить Уоллеса или, наоборот, добавить славы его героическому образу? – говорить на отвлечённые темы у Скотта упорно не получалось.

– Я же говорил тебе, что не знаю! – с усталостью ответил Эндрю, – По мне, ничего не значащий факт. По их мнению, – священник ткнул пальцем в пустоту за спиной, – Значащий. Как я уже сказал, сам я вряд ли узнаю что-то новое. А вот ты не отставай!

– Не отстану! Завтра с самого утра сяду за перевод...

– Давай, давай... я верю...

Над столом нависло затянувшееся молчание.

– А! – вспомнив что-то важное, прервал тишину Эндрю и улыбнулся, – Хелен спрашивала про тебя!

– МакКинли?

– А ты знаешь здесь ещё какую-то Хелен?

– Она в городе?

– Да, представь себе, молодой девушке может быть интересно жить в Камелоне.

– Ты говорил, что она окончательно переехала в Эдинбург.

– А потом вернулась.

– А когда она спрашивала про меня?

– Вчера.

– Ни с того ни сего?

– Нет, конечно же! Мы встретились вечером после нашего с тобой разговора, и я не мог не рассказать последних новостей о тебе.

– Тогда так уж и говори: «Я рассказал Хелен МакКинли о твоём приезде!», а не: «Хелен про тебя спрашивала!»

– Просто она сильно заинтересовалась твоим приездом. Говорит, что очень бы хотела тебя видеть.

Скотт махнул рукой:

– Женщины!.. Сами не знают, чего хотят. Не вижу смысла встречаться. Я уже давно перегорел ей. Хотя... в Камелоне нельзя жить и не встречать знакомых на улице. Рано или поздно всё же увидимся. У неё кто-то есть?

– Ты же перегорел!

– Нет, просто ради интереса. Чтобы знать, чем может завершиться *встреча*.

– Насколько я знаю, здесь – никого.

– Это хорошо... Наверно...

Скотт бросил взгляд на часы на стене.

– Семь пятнадцать. Думаю, мне лучше пойти. Сильным мира сего явно не понравятся гости в твоём доме при их дотошном подходе.

– Верно!

– Позвони завтра, как освободишься!

– Обязательно!

– Друг, – Скотт положил руку на плечо священнику, – Я был очень рад увидеть тебя снова. Верю, нас ожидают интересные события! Прекрасные дни настали!

– Я тоже рад, – ответил Эндрю, и они обнялись, – Доброго вечера и спокойной ночи! Надеюсь, не в паб?

– Конечно, нет! Не собираюсь портить послевкусию. Лучше выплюсь!

Скотт вышел на улицу, захлопнув церковную калитку. Он не пошёл домой по прямой, а сделал небольшой круг. В теле и голове витала приятная пьяная расслабленность, при том что и тело, и голова всё ещё прекрасно слушались. В ноздри бил аромат июньских цветений: липы, вереска и чертополоха. Лёгкий ветерок также доносил с полей слабый запах скотины. Горные пейзажи сверкали изумрудной травой, а закат стал плавно перекрашиваться из светло-жёлтого в красный. Скотт чувствовал себя счастливым, и сейчас ему ничего другого не хотелось: ни думать о том, что будет завтра, ни вспоминать о том, что было вчера. Ему нравилось просто чувствовать себя счастливым здесь и сейчас, наслаждаться каждым мгновением этого вечера. Таким он дошёл до двери своего дома, скинул одежду и упал на диван, окружённый стопками древних книг.

Через полминуты он уже храпел.

Глава 2. Стерлингский мост

Утро выдалось сырым и промозглым. Если бы вместо тягучей пелены тёмных туч небо вдруг озарилось весёлым солнечным светом, это посчиталось бы за великое чудо. Стоял сентябрь. А ждать хорошей погоды в сентябре в Шотландии по меньшей мере было глупо, по большей – бессмысленно. Обычно к концу осени небо здесь всё-таки прояснялось, но на смену вялым и сырым ветрам прилетали могучие, ледяные – такие, что пробирало холодом до костей.

Шотландия была богата этими самыми ветрами, дождями и туманами, зато бедна плодородием. Густые, полные дичи, леса и изумрудные луга достались Англии, расположившейся на юге. А северной Шотландии остались только величественные горы. Но даже эта бедная суровая земля не скрылась от амбиций властного и тщеславного короля Англии.

Уильям Уоллес, восседавший на своём коне на вершине холма, немного поёжился от холода, кутая тело, закованное в сталь, в тёплый плащ на подкладке и, прищурив глаза, стал вглядываться в даль.

На противоположном берегу реки Форт из тяжёлого осеннего тумана чёрными змеями стали медленно выползать колонны английских войск.

Стояла тишина, нарушаемая лишь завываниями ветра. Молчали и товарищи Уоллеса, Виллиам Дуглас – слева от него, Эндрю де Моррей – справа.

Уоллес понимал, что именно ему эту тишину предстоит разрушить; именно ему, художнику-бунтарю, а не рыцарям Дугласу и де Моррею, нужно будет сказать главные слова. Не просто дать сигнал к началу боя, а повести вперёд свои войска...

Иного варианта, кроме как принять бой, быть не могло.

Армия шотландского ополчения была ослаблена. Многочисленные переходы по горам и высоким холмам не были страшны северному народу. Однако южная часть Шотландии, основной источник провизии, с полями, на которых созрел урожай, и гуртами скота, оставалась под контролем англичан. Англичане могли обеспечить себя продовольствием с оккупированной территории. И как бы ни была сильна ненависть у мирных шотландцев к своим угнетателям, жечь поля и бить скот никто не решался. Крестьяне надеялись, что хотя бы часть урожая останется им на грядущую зиму. Люди хотели мира. Мира и свободы.

Уоллес не мог подвести свой народ. Народ, который поверил в него.

Уйти от боя сейчас означало распустить ополчение, чтобы потом скрываться в горах, где английские подданные вряд ли бы могли достать бывших мятежников. Но тогда бы и сам мятеж провалился. Собрать новую боеспособную армию в следующем году уже не представлялось возможным. Уоллес понимал, что его восстание, хоть и случившееся спонтанно, грянуло как нельзя вовремя.

Грянуло тогда, когда англичане уже почувствовали себя победителями, уверовали в собственную безнаказанность, когда их бесчинства достигли высшей точки, равно как и уровень народного гнева.

Также нарастал этот гнев и у самого Уоллеса, плавно, по капле. Будто толщи воды скапливались над ветхой дамбой. Но в один момент в воду упала последняя капля, самая тяжёлая, самая массивная. И опоры дамбы вмиг затрещали – её прорвало. А водяная масса хлынула вниз, сметая всё на своём пути.

Уильям был сыном мелкопоместного рыцаря Малькольма Уоллеса, имел старшего брата, который должен был унаследовать земли и титулы. Несмотря на то, что многие бойцы ополчения обращались к Уоллесу *сэр Уильям*, рыцарского звания он не имел. Шотландская знать относилась к нему с некоторым пренебрежением. Уоллес знал, что лордов, поддержавших восстание, притягивало более имя Эндрю де Моррея. Сам же он по статусу находился в самых

низах шотландской аристократии. Однако такой народной любви, как у Уоллеса, не имел ни один шотландский рыцарь...

В свое время Уоллес абсолютно спокойно принял весть о том, что английский король Эдуард предъявил права на шотландский престол. Тогда Уильям был ещё молод и беспечен. Он ничего не понимал в противостоянии Роберта Брюса и Иоанна Балиоля, претендовавших на шотландскую корону после того, как прервалась королевская династия МакАльпинов. Эдуард сначала поддержал второго претендента, затем начал с ним войну, а после объявил претендентом себя самого...

От этих новостей простым шотландцам было ни горячо ни холодно, люди жили привычной жизнью, пахали землю, пасли скот и были счастливы в своём убогом семейном быте.

То, что их страна потеряла независимость, они осознали позже... Когда вслед за Эдуардом в Шотландию пришли английские войска. Вооружённые отряды стали притеснять и угнетать местное население. А шотландцы к такому оказались просто не готовы. Аристократия молчала, и простолюдины оказались предоставлены сами себе.

Уоллесу едва исполнилось тридцать. Он ещё не был женат, жил вместе с отцом и семьёй брата в своём скромном поместье, в Элдерсли. В один погожий день он рыбачил на берегу реки. Отряд из пятерых англичан окружил его и потребовал отдать улов. Просто так. До этого Уоллес только слышал об английских бесчинствах, но столкнулся с ними сам впервые. Он отказался подчиниться. Тогда один из бойцов оттолкнул его и попытался сам забрать улов. Уоллес же вытащил меч из-за пояса англичанина и убил его. Прямым точным ударом в горло.

Уильям воспитывался с чёткими представлениями о чести и достоинстве. А ещё он был превосходным воином, отличавшимся недюжей силой.

Четверо англичан опешили. Пока они осознали, что настало время хвататься за оружие, Уоллес уже перебил их.

И после этого, ранее тихий и неприметный, он сразу же сделался народным героем. Ещё бы! Ведь он отстоял то, что принадлежало ему по праву, тем самым показав пример всему своему народу. Теперь, едва он появлялся в любой деревушке или городе, местные жители приветствовали его радостными криками: «Глядите, это же сэр Уильям!», «Да здравствует сэр Уильям!»

Сэр! Уже тогда все стали почитать его за рыцаря. Ведь простонародье верило, что только честный и благородный аристократ сможет их защитить. Чести и благородства у Уильяма хватало, вот только рыцарем он не был. Зато многие *настоящие* шотландские рыцари молча продались Эдуарду и закрыли глаза на издевательства над их же собственным народом. Не все рыцари были таковыми, но большинство. При этом оставались патриоты вроде Дугласа и де Моррея, которые ждали своего часа.

Народная любовь же сыграла с Уоллесом злую шутку. Английские шерифы объявили на него охоту, и Уильяму пришлось оставить своё родовое имение. Он начал скрываться. Перенёсся ближе к Ланарку, подальше от дома, где никто его не знал в лицо. Однако же Уоллес удивился, что легенды о нём уже дошли и до туда.

В Ланарке Уоллес встретил главную любовь своей жизни – Мерион. Ни к одной женщине ранее он не питал подобных чувств. А лишь встретил её, сразу запылал изнутри жгучим пламенем. И Мерион отвечала ему взаимностью...

– Кто ты, неизвестный странник? – спрашивала она Уильяма, стоя под огромным белым месяцем среди чёрной полуночи, и впивалась в него своим пронзительным взглядом. Уоллес тонул в её лиловых глазах и понимал, что больше не сможет представить свою жизнь без этой женщины.

Уильяму пришлось открыться, кто он и почему скрывается от англичан. Молодые люди стали встречаться тайно, также тайно их обвенчал шотландский священник. Никто более об этой свадьбе не знал. Мерион была сиротой, братьев и сестёр не имела. Лишь

жители Ланарка тихонько переговаривались, что одинокую девушку посещает незнакомец. Она на подобные шепотки внимания не обращала, а Уоллес лишь посмеивался над этим.

Однако однажды Уоллеса узнали. Заезжий шотландец с запада божился, что видел самого *сэра Уильяма*. Ланарк так и запольхал сплетнями и небылицами. Теперь всем стало ясно, кто же этот таинственный посетитель Мерион. Из распутницы та сразу же превратилась в божью избранницу.

Но вновь всеобщее обожание и слава оставили в судьбе Уоллеса чёрный след. Городские слухи моментально дошли до местного шерифа Гельзрига. Сам Уильям, конечно же, слышал, что говорят о нём в городе, но тогда ещё не представлял, в какой опасности оказались он и Мерион. Во время очередного тайного посещения своей супруги Уоллес оказался в засаде. Один, безоружный, он отбил от десятирех англичан с мечами и скрылся в окрестных лесах.

На следующее утро вместе со своими товарищами, также скрывавшимися от правосудия, он стал обдумывать план, как вытащить из города Мерион. Но уже к полудню соглядатай из города принёс в лагерь заговорщиков ужасающие вести.

Утром Мерион была казнена на городской площади как пособница государственного преступника...

Уоллес впал в неистовство. Сейчас он не помнил мелочей, но помнил общую картину. Из человека он обратился в демона, крушащего всё на своём пути. Десять верных товарищей пытались скрутить его по рукам и ногам, но, словно щепки, отлетели от него; сначала пятнадцатилетний Малыш Том, затем старый травник Билл и священник отец Уолтер, венчавший Уильяма и Мерион. Удержать его также не смогли и зрелые крепкие мужчины. Лишь Косматый Джон, здоровенный лохматый детина, смог заломать своего давнего друга Уоллеса и уложить на лопатки. Уильям лежал под огромной тушей Джона и чувствовал, как припадок проходит, а силы покидают его... И тогда он заплакал. Ревел навзрыд. Первый и единственный раз в жизни.

Как? Как он смог бежать из Ланарка, бросив Мерион? Уоллес не мог дать себе ответа на вопрос. Он просто не задумывался над этим. Никто ранее из шотландцев даже и предположить не мог, что женщина может стать преступницей только за то, что любит. Мерион не грабила и не убивала англичан, она просто любила Уильяма, и за это была казнена. Уоллес должен, должен был заранее задуматься о коварстве англичан! *Должен был!* Но не задумался... Точнее, даже не мог представить, что с Мерион могут обойтись так... А шериф Гельзриг придерживался своих вероломных правил...

Но смерть Мерион и стала той самой последней каплей народного гнева, который стремительно прорвал хрупкую дамбу покорности. Уильям Уоллес перестал быть собой прошлым, героем народной молвы, он стал лидером мятежа, реальным, а не легендарным лидером, который заставил англичан почувствовать страх.

Уоллес потерял свою любовь, потерял душевный покой, потерял надежду на мирное существование. Зато обрёл великую идею. Мечь Гельзригу была лишь первым шагом на большом пути. Уоллес же поклялся вернуть своему народу свободу и независимость.

Английский гарнизон Ланарка стал первой целью. Десять отважных мужчин, получив благословение от отца Уолтера, под покровом ночи проникли в Ланарк. Они резали английских воинов, как скот, пока те мирно спали. Дежурные даже не успели поднять тревогу. Шотландцы действовали чётко и хладнокровно. Не дрогнула рука ни у Старого Билла, того ещё забулдыги, ни у придурковатого на вид рыжеволосого Тома.

– Как ты, Малыш? – спросил его Уоллес, увидев окровавленные руки мальчика.

– Нормально, сэра... Хорошо, сэра! Мне сейчас хорошо! Когда англичане насильовали, а потом убивали мою мать... на моих глазах... мне было тяжело... А сейчас... сейчас я чувствую, что могу отомстить за неё...

– Не думай о мести, парень! Думай о будущем нашего народа! – Уоллес похлопал его по спине.

«Бедняга... Но, может, лишь он, единственный из моих товарищей может меня понять... Однако он ещё мальчик. Его чувства будут бить через край... Я же должен действовать иначе!»

Утром в Ланарке забили колокола. К этому времени в городе остался только один живой англичанин – шериф Гельзриг. Он стоял связанным на центральной площади и ждал суда. Уоллес не мог уйти от мысли, что вчера на этом самом месте была казнена Мерион. Сердце его готово было выпрыгнуть наружу, а руки впиться в горло ненавистного шерифа, чтобы разорвать того на глазах у всех. Но Уоллес перебарывал себя. «Гнев и ярость притупляют разум», – знал он, – «Мсть – это слишком просто. Правосудие – это сложнее... Гораздо сложнее...»

Судил Гельзрига не Уоллес, а народ! Уильям же лишь исполнил смертельный приговор, отрубив шерифу голову. На протяжении всего суда, пока на площадь прибывали новые и новые толпы горожан, Уоллес видел в глазах Гельзрига одно – неистовый страх! Почти пять лет английские патрули с надменным видом разгуливали по землям шотландцев. Шерифы с высокомерием и презрением смотрели на простолюдинов. А теперь сами простолюдины судили Шерифа, и он не находил себе места. Уоллесу эта картина нравилась. Он старался подавить в себе порывы мести, но не мог. Не мог не насладиться этим! Страх Гельзрига, может быть, даже не страх смерти, а страх правосудия, приносил Уильяму небывалое удовольствие. А когда сверкнул его меч и голова шерифа скатилась с плахи, на сердце уже не было никаких чувств.

И там, на площади Ланарка Уоллес объявил о начале освободительной войны против захватчиков.

В Шотландии в те времена случалось много антианглийских выступлений, но в основном они заключались в локальных стычках или стремительных грабежах королевских обозов. Теперь же взбунтовался целый город! Жители Ланарка кляли себя за нерешительность и воздавали похвалы своему новому лидеру. Почти все взрослые мужчины Ланарка примкнули к Уоллесу. Так маленький отряд превратился в армию ополченцев, пока что тоже маленькую. Но армию.

А уже через несколько дней к этой армии примкнул первый лорд – лорд Дуглас со своими войсками. Виллиам Третий, прозванный Смелым, гораздо старше и титулованнее Уоллеса, даже не пытался возглавить ополчение. Он никоим образом не ставил под сомнение авторитет Уильяма и его роль лидера. Такого же мнения придерживались ещё двое молодых рыцарей, пришедших с Дугласом, – Роберт Бойд и Томас де Морхам.

Число мятежников перевалило за тысячу.

Вместе Уоллес и Дуглас совершили набег на Скунское аббатство. Как доносило местное население, там скрывался казначей короля Эдуарда. Набег получился донельзя удачным, шотландцы захватили английскую казну и теперь имели средства для обеспечения ополчения оружием и провизией.

Слухи о захвате королевской казны мгновенно облетели Шотландию. В свою очередь, Уоллес получил известия о том, что его начинания поддержали: на севере и на юго-западе страны вспыхнули ещё два крупных восстания. Юго-запад, Глазго и его окрестности поднял Роберт Брюс, тот самый, что с завидным постоянством становился то союзником, то противником Эдуарда. Он словно плыл по течению, примыкал к доминирующей стороне, когда считал это нужным. Уоллес, конечно же, об этом не знал раньше. Но теперь рядом с ним находился более подкованный в политических делах Дуглас, который многому научил Уильяма.

На севере же, несколькими стремительными рейдами уничтожив все английские гарнизоны, блистал прославленный молодой рыцарь Эндрю де Моррей.

На стороне Брюса выступил епископ Глазго Роберт Уишарт. Это придавало южному ополчению значительный вес. Тогда как из духовенства на стороне Уоллеса находился только отец Уолтер. Прочие сельские священники предпочитали держать нейтралитет. Конечно же,

южное ополчение обещало стать более значимым, более мощным... Но Уоллес осознавал две вещи: Брюсу нельзя доверять – раз, придётся склонить перед ним колено – два. А как склонять колено перед бывшим союзником Эдуарда?

Уоллес отправился на север на соединение с де Морреем. Они встретились у стен Данди и взяли город. Затем объединённая армия двинулась на юго-восток к Эдинбургу.

Однако поход шотландцев на север дал англичанам время. Они смогли объединить свои войска и дождаться солидного подкрепления из своих провинций. Огромная армия стала искать встречи с ополчением Уоллеса. Эта встреча состоялась здесь, промозглым сентябрьским утром под городом Стерлинг.

В самой крепости засел английский гарнизон. Трёхтысячная армия шотландцев могла взять город, но это бы ей далось нелегко. Стерлинг имел высокие стены и мощные оборонительные позиции.

«Бой! Нужно обязательно принимать бой!» – Уоллес, Дуглас и де Моррей сходились в этом. «Но как?» – ответа пока не было.

Английские войска строились вдоль берега реки. Было отчётливо видно, как разделяется на три больших отряда пехота, по две-три тысячи в каждом на беглый взгляд. Кружили вокруг лёгкие всадники, занимали позиции английские лучники, превосходные воины, о меткости которых ходили легенды. Не было видно тяжёлой конницы. Хотя дозорные докладывали, что всадников в доспехах в войске не меньше тысячи. Видимо, ушли в обход. Но в основном все донесения разведчиков были верны. Войско численностью более двенадцати тысяч! Против трёх тысяч шотландцев, в основном пехотинцев без брони.

«Думай, Уильям Уоллес, думай!!!» – порывы ветра стали раздражать его, мешали сосредоточиться.

Уоллес имел боевой опыт, сражался против норманнов, отражал их набеги на шотландские побережья. Но приобретённые в тех битвах тактические знания никак не могли помочь ему в масштабной войне. Однако Уильям многое знал из книг, в детстве читал взахлёб летописи о самых ярких сражениях своего народа. Пусть он не имел высокого происхождения, но это не помешало ему стать образованным. Ни Дуглас, ни де Моррей, ни священник Уолтер вместе взятые не прочли столько книг, сколько прочёл Уоллес. «Но это лишь книги... Лишь отголоски былых событий! А что делать сейчас, когда на противоположном берегу выстраиваются воины ненавистного противника? Чёртов ветер! Уймись уже! Дай подумать!»

Дуглас и де Моррей уже высказали свои мнения о грядущем бое. Мнения эти были столь разные, как и сами рыцари.

Де Моррей, весь в белом, сидел верхом на белом жеребце, высоком и статном. На столь ненавистном для Уоллеса ветру развевался бежевый плащ, обшитый по краям соболиными мехами, конечно же, белыми. На голубом щите сияли три ярких белых звезды – родовой герб. Одежда и доспехи богато украшены. В металлических набойках на кольчуге поблёскивали драгоценные камни.

Де Моррей не стремился выставить себя щёголем, это Уоллес понял, когда они встретились у стен Данди. Но битва была для него всем! Уильям не видел де Моррея в мирной жизни, но не удивился бы, если бы узнал, что тот разгуливает по родовому поместью в крестьянской рубахе. Лишь кончался очередной бой, сэр Эндрю затихал. С тихой улыбкой мог выпить несколько кубков вина, говорил мало. Но в самом бою он просто сверкал! Прекрасный белый рыцарь! Он рвался в самую гущу боя. Наверное, был отличной мишенью. Только мишени этой враги боялись пуще адского пекла. И точно столбенели, едва он выхватывал свой меч...

Этот меч! Уоллес не сомневался, что де Моррей всем сердцем, горячо и беззаветно любил Шотландию и её народ. Но, наверное, ещё больше он любил свой меч. Перед боем он нервно поглаживал рукоять, украшенную россыпью драгоценных камней, ему так и не терпелось, наконец, оголить клинок и пустить его в дело. И когда это мгновение наступало, когда сталь поки-

дала ножны, де Моррей начинал походить на архангела, ведущего на праведный бой огненным мечом, или же на героя древних шотландских легенд и преданий, обладавших великой силой и имевших волшебное оружие.

Уоллес, конечно же, не знал, как может на самом деле выглядеть архангел или древний герой, но когда впервые увидел де Моррея в битве, предположил, что именно так.

После штурма Данди де Моррей спросил Уоллеса:

– Куда поведёшь дальше?

– Куда поведём? – осторожно уточнил Уильям.

– Брось! – парировал де Моррей, – Я слышал о тебе. Слышал от лордов, мол, некий хундордный выскочка толкает к вооружённому конфликту с Эдуардом, и слышал от народа на улицах городов, на рынках, в трактирах, что Уильям Уоллес спасёт Шотландию! Приведёт её к славе! Так что, Уоллес? Смотри же на меня! Как думаешь, кому я поверил – лордам или народу? Думаешь, что шёл объединиться со мной? А не думал ты, что я шёл к тебе? – белый рыцарь при этом беззаветно улыбался, – Хватит! Меня мутит от сальных жирных лордов, что лижут зад английскому королю! Я видел Роберта Брюса! Видел Иоанна Балиоля! Претенденты на корону... Тьфу! Это не шотландцы, а изнеженные свиньи! Ха-ха! Представь себе свинью, только не грязную в загоне, а чистую, в бархате – это шотландский лорд! Я – горец! Я знаю, чем был славен мой клан, чем славны кланы моих соседей... Уильям, ты нужен нашему народу, ты! За тобой пойдут! Настоящие шотландцы пойдут за тобой! В пекло знать! Мы подарим свободу нашей стране, мы восстановим справедливость! Это будет новая Шотландия, цветущая и прекрасная! Веди, друг! Мой меч служит тебе!

Так, знатный род де Морреев присягнул скромному Уоллесу.

Лорд Дуглас был другим. Уоллесу и де Моррею едва перевалило за тридцать, тому же было за пятьдесят.

Если де Моррей издали светился своей белизной, то Дуглас был тёмным, как ночь. Совершенно нетипичные для британца, чёрные, но уже с проседью, густые волосы, под цвет волос одежда и плащ; даже кольчуга не горела металлическим блеском, а отдавала грузностью потемневших колец. Его конь Грозовой Вихрь, конечно же, вороной, был мускулистым, жилистым, выше всех остальных лошадей шотландского войска. В бою он дико ржал, и все враги могли в панике разбежаться, так и не вступив в схватку с рыцарем.

Когда Уоллес встретил Дугласа у Ланарка, тот казался ему лёгким и беспечным, несмотря на годы. На сердце Уильяма лежал тяжёлый камень скорби по Мерион, а его новый товарищ постоянно шутил и беспечно улыбался. Он радовался тому, что наконец-то выступил против ненавистных англичан. Недаром Виллиам получил прозвище Смелый. Прекраснейший воин, участник множества славных битв. В молодости он считался вспыльчивым, горячим и любвеобильным. Из-за бесшабашных интриг он несколько раз находился в шаге от заточения и даже казни. Но всё время выбирался из сложных ситуаций.

Всё изменилось за несколько месяцев. Дуглас отказался присоединиться к английскому королю для похода во Фландрию и примкнул к Уоллесу. Карательный отряд прибыл к его родовому имению, но по ошибке схватил родного брата Виллема, Джеймса. Тот знал, что старший брат поддержал восстание, но назвался его именем. Видимо, чтобы на время отвлечь карателей от настоящего Виллема. На момент битвы Джеймс был уже несколько месяцев заключён в лондонском Тауэре... А о том, что там вытворяют с пленниками, шотландцы старались даже не думать. Подобные истории были в разы страшнее рассказов о ведьмах и оборотнях.

Лишь вести о Джеймсе достигли Виллема, тот вмиг изменился. Взгляд его сделался туманным, лицо каменным, а седых волос на голове стало больше. Но и уверенности в действиях Дугласа тоже прибавилось. Было ясно, что он осознал свою миссию и что будет сражаться до победного конца.

И как Уоллес теперь его понимал! Также потерявший любимого человека и также отдавшийся осуществлению великой цели.

Де Моррей и Дуглас – белый и чёрный рыцари, сидели на своих исполинских конях, по обе стороны от Уильяма.

А он, даже не рыцарь по статусу, в грубой стальной кольчуге, на невысоком коньке по имени Камнеог – посредине. Только под грубой кольчугой его билось горячее и пламенное сердце, а невзрачный Камнеог был просто двужилым, кони белого и чёрного рыцарей могли выдохнуться, а тот оставался полон сил и упрямо пёр вперёд.

За спиной Уоллеса трепыхался обычный шерстяной клетчатый плащ, тёмно-синий, с белыми, красными и зелёными пересекающимися линиями, цветами его клана. Уильям перестал в него кутаться, при таком ветре – дело бессмысленное. Стальной подбой плаща не был украшен ни узорами, ни драгоценными камнями. Кольчугу покрывала лёгкая туника с вышитым посередине белым андреевским крестом⁶. Справа за поясом висел тяжёлый полуторный меч, которым Уоллес легко управлял одной рукой. Слева на седле был закреплён щит, около метра высотой, треугольной формы с округлыми сторонами, с тем же шотландским андреевским крестом на синем фоне.

А из тумана всё появлялись и появлялись новые и новые противники...

Уоллес понимал, что окрестный ландшафт плохо подходит для битвы с превосходящим по численности войском. Естественным укреплением мог служить лишь холм, на котором сейчас находились трое всадников. Лагерь ополченцев был разбит на северном склоне среди редких деревьев. К югу от холма тёмно-серым узором на тусклом, желтовато-грязном полотне извивалась река Форт шириной чуть более сотни ярдов⁷. Рядом с лагерем река делала замысловатый виток, два раза резко поворачивая то на запад, то на восток и тем самым образуя два овальных выступа на разных берегах. Эти выступы соединял единственный мост, деревянный, но достаточно прочный для прохода горожан и езды торговых повозок. Для переправы даже трёхтысячного шотландского войска, не говоря уже о двенадцатитысячном английском, он, конечно же, предназначен не был. Примерно в миле к западу от холма находился брод, мелкий и широкий. Армия врага могла спокойно его пересечь. О нём знали все жители Стерлинга и ближайших деревень. Было бы глупо предполагать, что англичанам о нём до сих пор ничего неизвестно.

Горячий сверкающий де Моррей, архангел, мифический герой, бог войны, предлагал атаковать. Атаковать незамедлительно! Пересечь брод и ударить в тыл, пока армия не выполнила перестроение.

Уоллес отмёл этот план. Теоретически лёгкая конница де Моррея, а следом пехота без брони могли быстро пересечь брод, ударить в крайний флаг и оттеснить англичан. В этом случае их численный перевес даже мог сойти на нет... Но было непонятно, где находится тяжёлая конница противника!

– Что если уже расположилась в засаде у брода? – предположил Уоллес, – Тогда мы обречены...

Де Моррей не настаивал.

Высказался Дуглас.

Он предложил занять оборону на вершине холма. Тяжёлая конница, по его мнению, таким образом теряла свою боевую силу. Шотландские пикинёры могли её легко сбросить. А луки стрелков, окруживших холм, потеряли бы свою убойную силу. На случай же дождя из стрел можно было закрыться щитами сверху...

Звучало убедительно, но Уоллес опять покачал головой. Много коварных мелочей, способных сыграть на руку англичанам, скрывалось в этом плане.

– Второй день моросит мелкий дождь, – начал он, – Холм покрыт мокрой травой и грязью. Представьте, как наши люди будут пиками отбиваться от англичан! – Уоллес картинно

изобразил, будто держит в руках длинное копьё. Камнеюг, словно зная, что хочет показать хозяин, пригнул голову, – Резкий выпад воина вперёд, – Уильям изобразил удар невидимым оружием, – И возникает угроза поскользнуться, потерять равновесие и съехать вниз. А там тяжёлые английские пехотинцы уже затопчут нас и взойдут на вершину холма по нашим же телам! Рано или поздно они стащат нас с холма... Этого не миновать!

Выстраивать бойцов вдоль реки никто даже не предлагал. Английские лучники с противоположного берега могли сбить тетерева, а шотландский ополченец без брони был бы куда более лёгкой мишенью... «Щиты помогут», – размышлял Уоллес, – «Но пока мы будем прятаться за ними от ливня стрел, нас окружат...»

– Дьявол! – процедил он сквозь зубы, – Что же делать?! Вариантов нет... Но уходить нельзя! Нельзя! Должен быть выход... Не зря же мы всё это начали!.. Но где он, этот выход?

Уоллес продолжал клясть непогоду. Тут к унылому завыванию ветра добавился ещё пронзительный скрип. «Ещё и этого не хватало!»

Уильям перевёл глаза с английской армии в сторону моста. По переправе двигалась маленькая чёрная точка, в которой можно было угадать полуразбитую повозку. Видимо, кто-то, завидя две армии, решил укрыться за стенами Стерлингского замка или вообще убежать от войны подальше на север.

Скрип не прекращался долго. Казалось, повозка движется по мосту целую вечность. Скрипели её колёса, скрипели опоры моста. «Дьявольский звук! Таким пытать можно!» – Уоллес не находил себе места, – «Ну, проезжай же уже! Проезжай!»

А телега не спешила. И в какой-то момент Уильям усмирил своё раздражение и стал зачарованно за ней следить... Её путь по мосту всё ещё не кончался...

– Как думаете, что там везут? – спросил Уоллес товарищей. Боковым зрением заметил, что они одновременно обернулись на него. Видимо, столь неуместен был вопрос.

– Да один чёрт знает! – бросил де Моррей.

– Пожитки... утварь... Какая разница? – поддержал Дуглас.

– Большая... – спокойно продолжил Уоллес, – Вряд ли он везёт камни, руду, металл...

Или телегу, гружённую мясом, овощами...

– Вряд ли... – согласился Дуглас.

– И тогда... сколько крестьянин с телегой могут весить? Двадцать стоунов⁸?

– Не больше, – согласился де Моррей.

– Почти как английский латник? Так? – Уоллес оглядел товарищей, уже лукаво улыбаясь, – Тогда как конный латник весит в два раза больше?

– Не томи, Уильям, говори, что задумал! – со свойственной для себя угрюмостью попросил Дуглас.

– Нужно дать им возможность начать переправу! – объявил Уоллес. Теперь план грядущей битвы созрел в его голове окончательно, – Пусть переправят полтысячи, тысячу, полторы тысячи людей... Наша пехота будет ждать на вершине холма... Но ведь тысяча наших бойцов спустится вниз быстрее, чем мост перейдёт сотня англичан! Выстроим войска на холме, как ты предложил, Виллем... Но это будет ловушкой! Пока они не переправят достаточное количество людей. А потом резко атакуем! Они не смогут закончить переправу! Смешно представить, но тогда численный перевес будет у нас! А их авангард останется зажат... Лучники не станут давать залп по своим же.

– А что тогда делать моей коннице? – с лёгким недоумением спросил де Моррей.

– Ждать у брода! Тяжёлая конница – их главное оружие! Против неё мы бессильны... Но! Мы можем заманить в ловушку и кавалерию врага. Виллем, ты возьмёшь половину войск пехоты...

– ...половину?! – Дуглас не мог скрыть удивления.

– Половину, – спокойно подтвердил Уоллес, – Нужно, чтобы они клюнули на приманку и начали переправу по мосту. Выстрой войска недалеко у брода так, чтобы англичане видели!

– Ты знаешь, что их ведёт де Варрен...

– ...дерьмо он ещё то! – вставил де Моррей.

– Дерьмо дерьмом, но не дурак! – Дуглас был по-прежнему полон сомнений, – Думаешь, наш старый граф-командующий купится на это? – спросил он у Уоллеса.

– Купится, если разместишь бойцов так, чтобы их тяжёлая конница смогла пройти мимо... – ответил тот.

– А в этот момент во фланг конницы ударю я! – догадался де Моррей.

– Совершенно верно, у тебя это получится как нельзя лучше! – подтвердил Уоллес, – А брод будете держать, пока они не отступят. Что делать дальше, решим вечером... Если доживём...

– Доживём! Отличный план! Я согласен! – сэр Эндрю засветился счастьем.

– Будь по-твоему! – согласился Дуглас и дружески хлопнул Уоллеса по спине.

– Смотрите!!! – де Моррей указал пальцем на противоположный берег, – Золотые львы! Из тумана вынырнуло ярко-красное знамя с тремя золотыми львами. Искры от их свечения было видно даже в пасмурную погоду на противоположном берегу. Королевское знамя Англии...

– Значит, старый чёрт Крессингем тоже здесь... – констатировал факт лорд Дуглас.

Присутствие английского королевского наместника Хью Крессингема в сегодняшнем бою обещало стать для шотландцев прекрасным раздражителем. И Уоллес, и Дуглас и де Моррей были наслышаны обо всех его злодеяниях. Крессингем одаривал золотом и землями полезных ему шотландских аристократов, тем самым покупая право на произвол. А далее с карательными отрядами шёл грабить, насиловать и выжигать целые деревни, если те давали хоть малейший намёк на неповиновение. Его именем уже несколько лет пугали детей. Сам же он, по слухам, был надменным, чёрствым и циничным, не имел друзей, любил власть и деньги, которые тратил на пьяные пиры и женщин. Почти все пороки, которые могут вызывать отторжение, сошлись в этом человеке. Видимо, Эдуарду нужен был именно такой подданный, способный навести на Шотландию страх. И возложенную миссию наместник выполнял прекрасно.

– Если мы победим сегодня, – начал Уоллес достаточно спокойным голосом, – То на следующую битву под этим знаменем пойдёт сам Эдуард! Попомните мои слова, друзья! – он оживился, – Мы обязаны победить! К бою!

***

Живее, болваны! Живее! – слышались крики командиров. Английская армия готовилась к бою.

Джон де Варрен, граф Суррей, главнокомандующий, был человеком необщительным и холодным, но среди воинов зарекомендовал себя как прекрасный командир. Бойцы не слишком любили и не боготворили его, но безмерно уважали, что для него самого было гораздо важнее. Пожилой граф разделял со своими воинами тяготы походной жизни, в битвах никогда не стоял в отдалении и принимал участие в рукопашных схватках. Его приказы не обсуждались и выполнялись чётко.

Он сражался с молодым королём Эдуардом в крестовом походе! Тогда король просто пленил его сердце воина своей силой и самоотверженностью. Граф Суррей готов был отдать жизнь за своего сюзерена, отдать десять жизней, сто, тысячу, если бы таковые у него имелись. Де Варрен обожал короля и был готов выполнить любой его приказ.

Он не любил карательные походы в покорённой Шотландии. Он был полководцем, а ремеслом его была война. Вырезать деревни с крестьянами де Варрену было не по душе.

Но он даже не допускал мысли усомниться в королевском приказе. Если нужно было жечь простолюдинов для устрашения прочих, для предотвращения восстаний – он делал это! Он знал, что судьба короны, судьба королевства гораздо важнее, чем тысяча ничтожных жизней. Однако всё равно в глубине своей чопорной души понимал, что это, наверное, неправильно... *Жалость?* Граф Суррей не знал этого чувства, но порой ловил себя на мысли, что испытывает к безвинно убиенным нечто вроде жалости...

Сейчас он был рад, что наконец-то вышел на бой с настоящей армией, а не с кучкой голодных оборванцев. Это отвечало его рыцарским принципам чести. Он по праву относил себя к рыцарям и всю жизнь придерживался особых правил и кодексов, что было почти не свойственно иным английским дворянам, имеющим золото и титулы. Пусть прочие аристократы за спиной посмеивались над ним, граф старался не обращать на приводных дураков внимания. И со своими принципами дожил почти до семидесяти лет.

Однако сейчас радость близости грядущего сражения сменилась раздражением от того, что рядом присутствует Хью Крессингем. Де Варрен получил личный приказ от короля покончить с восстанием, но так как Крессингем был королевским наместником, граф был обязан подчиняться ему в отсутствии государя.

– Как собираетесь атаковать позиции этих дикарей, граф? – спросил Крессингем со свойственной ему надменностью.

– Переправлю авангард по мосту и выстрою для взятия лагеря врага на холме. Около трёх тысяч пехоты отошлю к броду, с ними тысячу лучников и тяжёлую конницу. Остальная часть пехоты будет находиться здесь и переправится на другой берег в случае необходимости, – граф Суррей говорил спокойно, стараясь не злиться на то, что Крессингем пытается лезть не в своё дело. Но если королевский наместник требовал отчёта, значит де Варрен этот отчёт должен был предоставить.

– Слишком много людей вы посылаете к броду, это лишнее! Верните тяжёлую конницу к мосту. После того как авангард завершит переправу, я лично возглавлю рыцарей и раздавлю это жалкое восстание!

– Ваша светлость! – жестким, но таким же спокойным и уверенным голосом продолжил де Варрен, – Обратите внимание на то, что часть пехоты противника покинула холм и отправилась в сторону брода. Я не хочу рисковать и буду стараться обеспечить безопасность каждому английскому отряду!

– Безопасность!? У вас армия или бабский двор!? Вы должны давить мятежников, как блох, а не думать о безопасности своих воинов!

– Ваша светлость, любой командир думает о безопасности своих воинов! А тем более, когда каждый воин – подданный короны Его Величества!

Граф надеялся, что эти слова вернут наместника с небес на землю, но тот не унимался.

– Зато я так не думаю! – де Варрена передёрнуло, – Мои войска будут давить это вонючее отребье и приносить славу короне! Подданный короны Его Величества не должен бояться погибнуть во славу королевства! – после фразы *мои войска* граф готов был кинуться на наместника и свернуть ему шею. Но сдержался.

– Сначала мы сомнём лагерь на холме, – продолжал ненавистный де Варрену голос, – А затем конница вернётся к броду и раздавит крыс, которые устроили там засаду, ваши же лучники поддержат наступление с другого берега. Оборванцы окажутся зажатыми с двух сторон. Де Варрен! – ухмыльнулся Крессингем, – Это же элементарно просто! Я удивляюсь, почему командир с таким опытом смеет вообще предполагать возможность какой-либо угрозы со стороны мятежной шайки!

Но именно военный опыт графа подсказывал ему благоразумные варианты. А бездарный лжеполководец портил всё на корню.

– Ваша светлость, напоминаю, что это – уже не мятежная шайка, а армия.

– Армия?! Ты сказал *армия*?! – наместник стал захлёбываться в собственном гневе, словно был весь начинён им, – Вот *армия*! – он указал на медленно выстраивающихся рядами английских бойцов, – Или ты ставишь своих же воинов в один ряд с *ними*? – он ткнул пальцем в сторону противоположного берега, – Нет, ты думаешь о другом! Ты хочешь сам стать героем подавления мятежа, а потом отчитаться об этом королю лично. Но напоминаю, что наместник здесь я!!! И мне не нужно выслушивать советы престарелого труса! Приказывай, как я сказал! Иначе волей, данной мне королём, я сегодня же буду судить тебя как ослушника, граф!

– Хорошо, Ваша светлость, – сухо проговорил де Варрен и, отвернувшись от Крессингема, зашагал к своим бойцам отдавать новые распоряжения, но в какой-то момент обернулся...

Наместник смотрел на противоположный берег. «Да уж... – подумал граф Суррей, – Подданный короля Эдуарда уже представляет, как его сюзерен одаривает своего вассала очередной долей почестей. Именно сэръ Хью Крессингем должен сегодня в первых рядах взобраться на тот холм, где пока возвышаются знамёна мятежников. И победа окончательно утвердит его статус второго человека в государстве... Но раз так угодно Его Величеству, то мне предстоит лишь подчиниться!»

***

Дуглас и де Моррей увели свои отряды к броду. Уоллес остался один с полутора тысячами людей и собственными мыслями. Не было смысла приводить отряд в боевую готовность до начала переправы англичан. Шотландские воины отдыхали, расположившись на сырой земле. У войска Уоллеса не было достойного обмундирования и вооружения. Каждый пришёл сражаться за свою землю и был экипирован настолько хорошо, насколько мог себя сам обеспечить. Роберт Бойд и Томас де Морхам были дворянами, рыцарями. Ещё несколько мелких дворян без титула, как и сам Уоллес, могли себе позволить более или менее прочные мечи и латы. Остальные сражались в чём попало и чем попало...

Бойд и де Морхам активно спорили, тыча пальцами в сторону берега. Уоллес с грустной усмешкой вздохнул: «Пусть...» и не стал им ничего говорить. Ещё совсем молодые, на подбородках только-только пробились жидкие бороды. *Но ведь они рыцари!* И рыцари, настоящие не только по званию, но и по духу, знал Уоллес. Рыцари благородные... «Сейчас обсуждают тактику... Что ж, обсуждайте... Это лишнее, но вам об этом знать не следует. Уже скоро внизу у моста начнётся кровавая мясорубка... Там будет не до тактики... Ваша задача: быстро повести отряды вперёд... Всё! И быть в бою мужчинами, а не юношами...»

Уоллес разбил свои войска на три шилтрона⁹ по пятьсот человек. Его шилтрон встал чуть впереди, в авангарде, шилтроны Бойда и де Морхама сзади, разбившись на правый и левый фланги. Уильям дал приказ рыцарям перед сближением с противником раскрыться шире, ударив на англичан справа и слева, и тем самым увеличить площадь поля боя.

Бойцы ополчения, которым вскоре предстояло решить исход битвы, были угрюмы и сосредоточены. Ещё несколько часов назад, когда Уоллес, Дуглас и де Моррей совещались на вершине холма, в лагере можно было услышать шутки и задиристые песни. Сейчас же было явно не до них. Если кто-то и напевал себе под нос какую-то песню, то, скорее всего, она была грустной и очень сокровенной, где говорилось об оставленном доме, потерянных близких или несуществующем счастье. Все шотландцы сидели с непокрытыми головами, шлемы, а в большинстве просто железные или кожаные шапки, лежали рядом. Лишь немногие воины были одеты в стеганые куртки до колен, кольчуги имелись не более чем у двадцати-тридцати человек. Экипировка самых бедных воинов представляла собой шерстяное тряпье, обмотанное вокруг голого тела, и прямой меч из самого скверного железа, вышедший из-под руки деревенского кузнеца. Единственным опознавательным знаком войска ополченцев был андреевский крест –

две белые ленты, нашитые на одежду, обычно на груди, в области сердца. Уоллес оставил каждому шилтрону по полторы сотни длинных деревянных пик для воинов первых рядов. Остальные бойцы были вооружены мечами, топорами и кистенями. Почти тысячу пик Дуглас забрал с собой к броду.

Все конные воины ушли с де Морреем. Оставив лишь несколько лошадей для связи.

Люди Уоллеса ненавидели англичан как завоевателей и угнетателей. Но сейчас Уильям смотрел в их глаза и не находил там ненависти. «Это правильно...» – думал он, – «Ненависть почти вся осталась в городах и деревнях, которые ныне захвачены... А ведь ненависть так же слепа, как и любовь... Сейчас же нас ждёт долгожданный бой с грозным противником. И вести людей вперёд должен не слепой гнев, а жажда справедливости и свободы».

Сам Уильям всегда считал, что сражаться нужно за что-то, за конкретную цель, а не против чего-то. «Интересно тогда, а за что будут драться англичане?» – Уоллеса стали одолевать воспоминания. Он снова видел, как при осаде крепости Данди с группой товарищей атакует небольшой отряд противника. Первый удар, несомненно, смертельный, он наносит совсем юному воину. Тому едва ли было шестнадцать. Уильяму почему-то до сих пор вспоминается его умирающее лицо. Застывшее, изображающее удивление. Мальчик так и не понял, за что он умер. «А ещё он не осознавал, что был оккупантом, что причинял боль и зло другим людям. Был ли это его осознанный выбор? Он мог примкнуть к английской армии по нужде, а может быть, просто всю жизнь хотел стать воином. Что вряд ли. Воины, пусть даже самые юные, не должны удивляться случайной смерти. Скорее всего, его просто согнали в армию рекрутом и облачили в доспехи, так и не объяснив что к чему. И зачем вообще англичане вторглись в наши земли? Шотландия всегда была бедной и малонаселённой страной. Какую выгоду извлечёт английский король, покорив нас? Неужели столь сильно его самолюбие и жажда власти? Ради клочка голой земли он готов калечить судьбы людей и отнимать у них последнее. И ещё заставлять заниматься этим своих подданных! Интересно, а наступят ли времена, когда у человека будет выбор, браться за меч или просто мирно пахать свою землю? И стал бы я сам на путь воина, если бы не обстоятельства? Смог бы просто мирно возделывать землю, наслаждаясь свободой и покоем вместе со своей семьёй, детьми... Детями! Мерион носила в себе моего ребёнка, когда была казнена проклятым шерифом...» – очередная волна пустой боли сотрясла нутро Уоллеса: «Как бы ни завершилась эта война, я никогда не исправлю главную ошибку своей жизни! Не верну свою женщину и нерождённого ребёнка».

– Но сделаешь большее!..

Уоллес поднял глаза. Перед ним стояла Мерион, такая же молодая, такая же красивая. Глядела на него своими проникновенными глазами...

– Ты здесь?.. Но как?.. – шептал он.

– Не могла же я тебя оставить перед боем! – Мерион склонилась к нему и тихо поцеловала в лоб.

– Скажи мне! Умоляю, скажи мне, что *это не так!*

– Конечно же, не так! *Ты начал войну не из-за чувства мести, а из-за желания подарить своему народу счастье и свободу!*

– Это – не оправдание, это правда! Верни мне судьба шанс, я бы защитил тебя!

– Всё хорошо, любовь моя... У тебя в жизни есть иное предназначение... А мы с тобой ещё встретимся...

– Спасибо тебе! Спасибо, любимая! Это всё, что я хотел услышать...

Призрак Мерион исчез. Уоллес встряхнул головой.

«Задремал? Или пригрезилось?»

Мерион часто являлась к нему в видениях, и он задавал ей один и тот же вопрос...

А на противоположном берегу произошли изменения. Воспоминания о Мерион вмиг исчезли.

Авангард примерно из четырёх тысяч воинов уже выстроился узкой колонной у моста и был готов начать переправу. Но неожиданно на дороге у небольшого перелеска показалась конница англичан. Уоллес поднялся на ноги. Всадники неслись довольно быстро, держа направление в сторону авангарда. Они всё более растягивались, а из-за деревьев появлялись новые и новые фигуры. Беглым взглядом их можно было насчитать уже более семи сотен.

«Де Варрен не повёл конницу через брод! Невероятно!!!» – нужно было срочно отправлять посыльного к своим товарищам.

– Малыш Том! – рявкнул Уоллес, – Быстро сюда!

– Да, сэр! – длинный худощавый мальчишка с конопатым лицом и рыжей кучерявой головой встал перед Уоллесом. На секунду Уильям даже заметил внешнее сходство Тома и убитого им у стен Данди английского юноши, о котором недавно вспоминал.

– Бери самую быструю лошадь и быстро, быстро, насколько можешь, несись к сэру Эндрю! Передай следующее, слушай внимательно и не перепутай: вся или почти вся конница врага стоит у моста рядом с его авангардом! Пусть оценит ситуацию и действует по своему усмотрению!

Малыш Том всё это время кивал головой, а потом неуверенно добавил:

– С-с-сэр... Только Снежинка буквально сейчас подвернула ногу и скатилась с холма...

И... сбита с ног Серогрива и Рыську... Теперь все трое хромают...

– Дьявол!!! – взревел Уоллес, – Почему не сообщил сразу???

– Я как раз шёл...

– ...кто остался?

– Кривой Шон, Старина Эд...

– Бери Камненога и скачи живо!

– Как Камненога?.. Вашего коня?..

– Да, чёрт бы тебя подрал! Живо!

– Слушаюсь, сэр...

– Повтори, что должен передать!

– Вся или почти вся конница врага у моста рядом с авангардом! Пусть сэр Эндрю оценит положение и действует по своему усмотрению! – протараторил мальчишка.

– Абсолютно верно! – Уоллес понял, что был с парнем слишком груб. Конечно, не со зла, так сложились обстоятельства. Но преданный Том явно не заслужил подобного обращения. Потому Уоллес приобнял его, а после потеревил за курчавые рыжие волосы, – Ну, давай же, малыш! Скачи!

Том аккуратно запрыгнул на коня своего командира. Несомненно, честь для юнца! Уоллес пристально оглядел его: «Наверное, мальчишка уже представляет, как вечером у огня будет хвастать старшим товарищам о своём важном деле, которое он с честью выполнил. И о том, как *сэр Уильям* доверил ему для этого дела своего коня...»

– И поласковой с ним, – Уильям потрепал Камненога по гриве, так же, как только что потрепал парня, а потом с силой шлёпнул по ляжке, – Пошёл!!!

Камненог неторопливой рысью поскакал в сторону брода.

Тем временем английский авангард начал переправляться через мост. Как и предполагал Уоллес, воины шли узкой колонной, по три человека. Расстояние между тройками издалека можно было оценить ярдов в десять. Похоже, де Варрен тоже оценил ненадёжность моста. Граф-командующий не рисковал.

Уоллес дал сигнал своим воинам, чтобы они пока не вставали, но были готовы к атаке. Важно было как можно дольше путать противника. Первые английские пехотинцы уже пересекли мост и начали выполнять построение. Уильям внимательно уставился на переправу, пытался высчитать оптимальное время, чтобы поднимать своих бойцов. Он волновался как никогда, сердце бешено колотилось.

И вот англичан на шотландском берегу оказалось больше пяти сотен. Тогда Уоллес понял, что нужный момент наступил.

– Стро-о-ой! – прокричал он и развернулся к воинам.

Всего лишь за несколько секунд те нахлобучили шлемы и шапки, застегнули ремни на броне и выполнили построение в три отряда.

– Жители вольной Шотландии! – Уоллес начал своё обращение к войску, и самому ему казалось, что громовым голосом он сотрясает весь простор, – Эти поганые псы долго шатались по нашим землям и разоряли их! Они обращались с нами хуже, чем со скотом! Они считали и продолжают считать нас рабами! Но ведь ещё совсем недавно мы имели своё собственное государство. Мы были свободными! Перед вами захватчики, которые пришли сюда, чтобы отобрать у вас всё! Не жалейте их! И не бойтесь умереть в сегодняшнем бою, иначе мы потеряем надежду! Вперёд!!! За Шотландию!!!

– *За Шот-лан-ди-ю!!!* — подхватили сотни мужских глоток.

Уильям Уоллес повернулся лицом к противнику и выхватил из ножен меч.

– Свобода!!! – прокричал он и взмахом клинка повёл своих воинов на англичан.

– *Сво-бо-да!!!* – повторяли на бегу шотландцы.

Уильям устремился вперёд, увлекая за собой ополченцев. Он слышал сзади лишь топот и неистовые крики, но чувствовал рядом присутствие каждого бойца, чувствовал свой шилтрон, чувствовал Бойда и де Морхама, хоть отдалился от них уже чуть ли не на сотню ярдов, чувствовал, что где-то у брода с такими же горячими сердцами своего часа ждут де Моррей, Дуглас, друг детства Косматый Джон...

В передних рядах шилтронов находились самые крепкие и рослые бойцы, бежавшие с четырёхметровыми пиками, нацеленными на противника. Бежали с горы, направив пики вперёд, но не падали, держались на ногах ровно. Будто сама шотландская земля забыла о своей сырости и выступила на стороне родного народа.

Уже было видно, как первые ряды ещё не построившихся в боевые порядки англичан робко переглядываются... Растерялись! Явно не были готовы к такому повороту событий! Их командиры, сквайры и капитаны судорожно вопили приказы. «Занимать оборону, олухи! Встречайте врага!» Но воины спотыкались, мешкались, не понимали, где им нужно становиться. Уоллесу нравилось это зрелище... Он добавил скорости! Не терпелось наконец-то вклиниться в эти ряды опешившего противника... Шотландцы приближались с диким криком... До англичан оставалось лишь несколько ярдов...

* * *

Де Варрен стоял на соседнем берегу и пытался продолжать руководить переправой, которая становилась всё более хаотичной. Он подгонял воинов, чтобы те переходили мост быстрее, при этом пытался напомнить им о необходимости соблюдать дисциплину. Бесполезно! Его люди путались, а боевые порядки давно нарушились.

Наспех выстроенные бойцы авангарда выставили вперёд щиты и копья. Граф Суррей теперь наблюдал, как шилтрон Уоллеса приблизился к их позициям на тридцать ярдов и резко остановился. Два других шотландских шилтрона обходили англичан с левого и правого флангов. Тут первые ряды отряда Уоллеса расступились, и около ста лучников дали неожиданный залп по ещё не построившимся бойцам авангарда де Варрена. Послышались крики боли, несколько десятков человек рухнуло наземь. Это произошло настолько стремительно, что англичане застыли в замешательстве, и шотландцы без всякого сопротивления дали второй залп. Граф пришёл в себя первым и что есть духу заорал на своих лучников:

– Лу-у-уки!!! Залп!!! Залп!!! Дождь из стрел!!!

А капитаны авангарда дали команду наступать. Но было поздно! С двух сторон на неприкрытые фланги англичан обрушились длинные пики двух крайних шилтронов шотландцев. Они буквально смяли подданных короны в огромную кучу-малу, всё плотнее и плотнее прижимая их друг к другу. Движения английских воинов стали скованными, те явно не понимали, куда должны двигаться. Далее началась бойня. Мятежники мечами и топорами хладнокровно рубили английские тела, не способные более защищаться.

Королевские лучники наконец-то выпустили первые стрелы. Но по зычной команде Уоллеса, которую де Варрен услышал даже с противоположного берега, щиты взметнулись над головами шотландцев. Часть стрел с клёкотом впились в дерево. Остальные поразили спины воинов своей же армии.

Де Варрен понял бесполезность приказа и дал лучникам команду отбоя. Теперь он мог лишь безучастно смотреть на то, как остатки авангарда завершают переправу по мосту, ещё не зная, что тела воинов первых рядов обратились в кровавую кашу. Участь всех этих бойцов была предрешена...

– Что дальше?!?! – в истерике залепетал Крессингем.

– Отступать для перестроения! Во-ойско! Слушай мою команду! – графу Суррею уже было глубоко наплевать на мнение наместника.

– Отступать?! Чёртов безумец! Ты потерял почти треть войска и ещё хочешь отступить?

– Мы в ловушке!

– Мы не уйдём отсюда без победы!

– Но...

– Сэр Майкл!

– Да, Ваше сиятельство! – огромный и бесстрашный, но простодушный до тупости рыцарь, старший сын лорда Глостера и любимчик Крессингема, возник перед ними.

– Возглавляйте конницу! – обратился к рыцарю наместник, – Организуйте быструю переправу и сомните ряды врага! Не гнушайтесь топтать тела наших павших собратьев! Им уже ничем не помочь, а погибли они бесславно!

– Будет исполнено! – пробубнил густым басом Майкл Глостер и захлопнул забрало шлема.

– Но я приказываю!.. – пытался вмешаться де Варрен.

– Именем короля! Здесь приказываю Я! – оборвал Крессингем, – Глостер, выполнять!

– Слушаюсь, Ваше сиятельство! – сэр Майкл, всегда отличавшийся покорностью более чем умом, видимо, счёл безумный приказ Крессингема вполне адекватным и начал подготовку к стремительному рейду.

– Что же ты творишь, осёл безмозглый... – отрешённо прошипел де Варрен, но наместник его уже не слышал.

Крессингем просто не мог оценить катастрофическое положение своей армии и подписывал ей смертный приговор. А граф, в свою очередь, уже не мог остановить этого...

«Его не волнует судьба бойцов!» – понимал де Варрен, – «Важнее сохранить свой статус в глазах короля! Конечно, если Эдуард узнает, что мы положили треть войск, а повстанцы сохранили своих людей и спокойно ушли, то завидное положение Крессингем вмиг утратит... Теперь победа нужна ему любой ценой! А жертвы этой бойни он уже легко спишет на меня, Шестого графа Суррея! Таковой будет моя награда за верность...»

Единственное, что успел сделать де Варрен вопреки воле Крессингема – это отправить гонца к засадному отряду с приказом отступать, оставив лучников прикрывать брод.

Сэр Майкл во главе отряда пустил коня рысью и устремился к противоположному берегу, где люди Уоллеса довершали свою беспощадную резню. Грузные лошади, облачённые в металл, с такими же тяжёлыми всадниками помчались следом. Пролёты моста заплясали вместе с несущими конструкциями, но выдержали. Некоторые шотландцы подняли пики и выставили их

перед самым мостом, перекрывая английской коннице дальнейший путь. Глостер на мощном жеребце в стальной броне ринулся через стену шотландских копий. Конь не испугался и проломился вперёд. Какой-то шотландский командир, вставший на его пути, просто отскочил в сторону... Тяжёлым молотом с металлическими набойками огромный английский рыцарь проломил головы нескольким воинам первых рядов, других же просто стал раскидывать в стороны, как щенков. Всадники хлынули в образовавшуюся воронку, пытаясь следовать примеру своего предводителя. Поглощённый же неистовой агонией рыцарь, похоже, уже не различал очертаний врагов впереди и лишь крушил всё наотмашь своим молотом. Шотландцы стали выкрикивать слова отчаянья, мол, никто не сможет остановить непобедимого всадника. Пара-тройка человек даже помчалась прочь...

Граф Суррей в какой-то момент подумал, что, возможно, не всё ещё потеряно, что шотландцы дрогнут...

...но в этот момент здоровенная туша Глостера, облачённая в сталь, выскочила из седла, чуть ли не перекувыркнувшись. Из глазной прорези в шлеме торчало копьё.

Де Варрену показалось, что даже он ощутил дрожь земли, когда поверженный рыцарь рухнул вниз.

* * *

Уоллес понимал, что ещё немного – и его люди дрогнут. Огромный всадник сметал всё на своём пути... Он начал наводить ужас на шотландцев, уже почувствовавших радость победы. Роберт Бойд в это время лежал в стороне, держась за колотую рану в правом боку; доспехи не выдержали прямого тяжёлого удара копьём. Де Морхам отлетел далеко от моста после удара тяжёлого молота того самого рыцаря, было непонятно, жив ли он...

Он, только он, Уильям Уоллес, теперь мог снова воодушевить своих бойцов... Уильям старался глубоко дышать... «Никакого страха!..» – говорил он себе, – «Никакого гнева... Ни капли отчаянья! Вот он, враг! Впереди... Нужен один удар... Один точный удар...»

Рыцарь приближался.

Уоллес резко дёрнулся вперёд, выхватив копьё с узким древком из рук поверженного англичанина. В два шага забрался на гору трупов так, чтобы направить свой взор точно в главную прорезь шлема непобедимого всадника.

Видел ли тот своего будущего убийцу или нет, Уильяму было неважно. Лёгкое точное движение руки – и копьё, просвистев в воздухе, точно вонзилось в узкую щель. Рыцарь вылетел из седла!

Бойцы обеих армий застыли. На мгновение повисла тишина... Уоллес её нарушил.

– Вперёд!!! – проревел он, увлекая ополченцев за собой.

Воодушевлённые лидером шотландцы, не имеющие тяжёлой брони, а потому более подвижные, убивали тяжёлых медлительных рыцарей, предварительно стаскивая их с коней, а самих животных хладнокровно закалывали. В этом ревущем море грозной пехоты оказалось несколько десятков всадников. Остальных же воины Уоллеса теснили к мосту. Кони рыцарей, пересекавших мост, испугались поднявшегося шума и неожиданно возникшей преграды. В панике они повернули назад. Сразу несколько животных проломило перила моста и вместе со всадниками рухнуло в воду. Те же, кому удался маневр разворота, столкнулись лоб в лоб с наступавшими войсками. На этот раз мост не выдержал: серединный пролёт проломился, и десятки людей вместе с лошадьми полетели вниз. Дальше зашатались соседние опорные столбы эстакады. Слева и справа от разлома они стали крениться под тяжестью груза. Две части моста превратились в наклонные горки, по которым закованные в броню воины кавалерии и их животные скатывались в холодные осенние воды реки Форт.

Воодушевлённые шотландцы отгеснили и сбросили остатки англичан, оставшихся на берегу, к их соратникам. Де Морхам, как оказалось, был жив. Но ему опять не повезло: лишь он пришёл в себя и попробовал встать на ноги, на него рухнул подкошенный конь, сломав молодому рыцарю ключицу.

Но северный берег был полностью очищен от завоевателей!

Уоллес поднял над головой меч и издал торжественный клич, дабы ещё больше воодушевить воинов. Клич был поддержан.

Уильям понимал, что полную победу его войска пока не одержали, а армия противника осталась боеспособной. Он дал приказ вернуться к склонам холма, дабы обезопасить своих людей от английских луков.

* * *

Де Варрен придерживался иного мнения. Он уже смирился с бесславным поражением и даже не помышлял о том, чтобы нанести шотландскому войску хотя бы какой-то существенный вред. В рядах его армии царил хаос, который главнокомандующий не мог утихомирить. Остатки тяжёлой английской конницы неслись прочь от моста, просто сминая ряды пехоты, втаптывая своих же соратников в грязь. Всадники не могли остановить взбесившихся лошадей и не решались прыгать с них в своём полном рыцарском облачении. Это означало – дать себя так же затоптать другим. Потому они предпочитали давить пеших соратников. Граф Суррей кричал пехотинцам, чтобы те хватались за копыта и кололи лошадей. Также был отдан приказ лучникам. Примерно через пятнадцать минут безумие прекратилось, кавалерия была окончательно перебита. Но перед смертью задавила почти целую тысячу воинов. Кто-то погиб от шальных стрел. Де Варрен с ужасом смотрел на окровавленное поле боя. Поле боя, куда пока ещё не ступил противник! Графу нужно было время, чтобы собраться с мыслями и принять нужное решение. Но зловещий Крессингем не позволил этого сделать. С королевским знаменем на коне он возвышался над разрозненными войсками и павшими окровавленными телами.

– Граф Суррей, именем короля вы обвиняетесь в халатности, стоившей жизни половине людей вашего войска! А такая халатность сродни государственной измене! Вы будете взяты под стражу! И вас доставят в Лондон для справедливого суда короля!

Крессингем говорил со своей традиционной надменностью, с отвращением ко всему миру. «Наверное, он действительно считает прочих ничтожествами, а себя высшим существом», – с грустью подумал граф. Несколько верных капитанов начали подтягиваться к де Варрену, чтобы в случае необходимости встать на защиту своего командира. Но Крессингем не успел договорить. Его речь прервал топот копыт и резкие выкрики:

– Свобода!!! Вперёд! За Шотландию! Смерть захватчикам!

Отряд шотландских всадников стремительно летел в сторону наместника и его королевского знамени. Кони шотландцев не были облачены в броню, как английские, а всадники имели гораздо меньше вооружения. Бойцы графа Суррея не смогли сразу принять в расчёт, что кавалерия противника столкнётся с ними очень быстро. Пехота словно пребывала в ступоре, не зная, что делать. Ситуацию кардинально могли поменять лучники, если бы вовремя дали залп. Но их командиры молчали, метая взор то на остолбеневшего Крессингема, то на де Варрена.

А граф, ветеран многих битв, опытный командир, пожалуй, впервые в жизни замешкался... Когда шотландцы оказались на критически близком расстоянии, было уже поздно.

Де Варрен наконец поднял взор и холодно бросил своим воинам: «Уходим!» Он развернул коня в противоположном от брода направлении и направил спешной рысью вдоль реки. Капитаны и сквайры, оставшиеся при лошадях, моментально двинулись за ним. Далее засеяли наиболее расторопные пехотинцы и лучники. Кто медлил более минуты, гадая, оставаться

ему или уходить, стал пассивным участником новой резни шотландцев. Их конный клин тем временем уже почти приблизился к королевскому знамени и остолбеневшему Крессингему. Граф Суррей в последний раз посмотрел на место бесславной гибели своего войска. Он успел заметить, как впереди шотландской кавалерии на белом коне скакал могучий рыцарь в сверкающих доспехах, увлекая воинов за собой великолепным искрящимся мечом...

* * *

Рука легла на рукоять...

– Когда же, ну когда же я, наконец, снова обнажу его! – де Моррей трепетал от нетерпения. О, этот меч! Он сам стремился в битву, а затем эту битву выигрывал.

«Уильям один раз заметил, что я безумно люблю Шотландию, но свой меч люблю ещё больше... Пожалуй, он прав!.. Не совсем, но прав! Я обожаю свой меч! Просто обожаю! Но обожаю за то, что он позволяет мне быть первым рыцарем! За то, что позволяет сражаться за свою страну!.. Мой меч и моя страна тесно связаны друг с другом!»

Эндрю с детства любил истории про рыцарей. Читать не любил, любил слушать. Слушал всех: от старух-сказочниц до бывалых воинов. «Какая же выпала мне честь!» – думал он, – «Быть рыцарем!.. И я буду самым лучшим из них, самым сильным, самым доблестным!»

Он рос и креп. В итоге действительно стал превосходным воином. Успел принять участие в нескольких военных кампаниях шотландских лордов.

И вот в Шотландию вторгся Эдуард...

Эндрю сразу же взялся за оружие, но его отец, человек почтенный и мудрый, остудил пыл отпрыска.

– Кто ты? – спросил он у сына.

– Рыцарь! – ответил де Моррей.

– А у рыцаря должен быть сюзерен! Кто твой сюзерен?

Де Моррей-старший, человек чести, отговорил сына связываться с южными лордами, с Брюсом, с Балиолем, что начали грызнуть за престол.

– Присягни человеку, который достоин быть новым королём Шотландии! – напутствовал отец.

Когда Эндрю услышал народные легенды о Уильяме Уоллесе, то понял, за кем готов пойти! Сам Уильям ещё не до конца понимал, кем он является для народа... Даже смутился своего происхождения. «Глупец!» – думал де Моррей, – «Прекрасный глупец!.. Думает, что моё имя привлечёт к ополчению могущественных лордов... Лордам плевать! Нет, королём великой страны должен стать великий человек... И имя ему будет Уильям Первый из династии Уоллесов! А сэр Эндрю де Моррей станет величайшим рыцарем Шотландии на все времена... И наше могучее королевство будет процветать года, века и тысячелетия!»

Мыслями своими с Уильямом Эндрю не делился. Не время. Он знал, что рано или поздно Уоллес осознает своё место в истории. «Стоит лишь изгнать захватчиков. А победить продажных лордов будет уже в разы легче!»

Перед тем как отправиться на соединение с Уоллесом, де Моррей при загадочных обстоятельствах получил подарок – меч... «Случайность ли это была?» – думал он, – «Скорее всего – нет. Скорее всего – знамение!» Лишь только он взял оружие в руки, понял, что оно особенное! Понял, что мечу-то и суждено вершить историю...

И де Моррей отправился в поход. С лёгкостью он разбивал английские гарнизоны, город за городом. А меч словно помогал ему в этом. Неистовая сила охватывала де Моррея, когда он брался за рукоять, когда вытаскивал клинок из ножен. «Выигрывающий Битвы!» – нарёк рыцарь свой меч, – «Иного имени у него быть не может!»

Сейчас у Стерлингского моста меч снова должен был доказать своё божественное величие...

Де Моррей разместил отряд в низине, за небольшими зарослями деревьев, недалеко от брода так, чтобы англичане не могли его увидеть со своих позиций. Но при этом разведчики контролировали весь берег противника, где растительности почти не было. Идеальная местность!

Эндрю уже знал, что большой отряд лучников де Варрена занял позиции у реки и сможет атаковать, как только шотландцы выйдут в зону видимости. Недалеко от лучников, почти перед самым бродом выстроился отряд пехотинцев примерно в две-три тысячи. Опасения Дугласа были не напрасны. Де Моррей регулярно отправлял к нему посыльных, информируя обо всех изменениях в стане противника. Войска лорда залегли за каменным выступом слева от брода. Они также были невидимы для противника, но и сами не могли совершать разведывательных вылазок, так как за выступом начиналось открытое пространство.

Англичане, человек десять, по виду самые молодые, кто только в исподнем белье, кто совсем голышом, бегали по мелководью с большими палками. Замеряли ширину и глубину брода, отмечали, где он кончается. «Де Варрен готовится нанести удар с двух сторон, и теперь от стойкости копейщиков Дугласа зависит успех битвы», – размышлял де Моррей, по-прежнему ничего не зная о дислокации английской конницы. И это его смущало...

Недалеко раздался тяжёлый топот копыт, но не со стороны лагеря Дугласа, а со стороны главного лагеря Уоллеса. Часовые напряглись и взялись за копья, но тут же опустили их, когда из-за пригорка показался Камненог. Однако сидел на нём верхом малыш Том, чуть ли не самый юный участник шотландского ополчения.

– К сэру Эндрю! Послание! Срочно! – выпалил он, и часовые расступились.

– Что случилось? – де Моррей вышел к гонцу.

– Сэр Эндрю! Сэр Уильям передаёт вам, что вся или почти вся тяжёлая кавалерия противника собралась у моста вместе с его авангардом! Сэр Уильям просит вас действовать по своему усмотрению!

«Вот как!» – загадок для де Моррея больше не оставалось. Нужно было лишь ждать! Пересекать брод при такой охране не представлялось возможным. Требовалось встречать врага на своём берегу острыми пиками, как и рассчитывал Уоллес. Но ведь де Моррею так хотелось скорее вступить в бой! Он опять погладил рукоять своего меча, остановил на ней кисть и слегка вытащил клинок из ножен. Его стремительно охватила жгучая жажда подвига, желание кинуться в самое пекло битвы, рассекать своим оружием, вести за собой воинов!

– Сэр, – голос Тома заставил де Моррея отвлечься от мыслей, – Так как я теперь имею коня, позволите ли вы мне присоединиться к вашему отряду?

За подобную наглость шотландский рыцарь сразу бы отвесил оплеуху, если бы перед ним был кто-то другой. Но напротив стоял юнец, смотревший на него большими преданными глазами, с простым, может быть, даже придурковатым, конопатым лицом и восторженной улыбкой. Де Моррей не нашёл ничего другого, как рассмеяться.

– Я не в силах принимать такие решения, воин! – он пытался делать голос серьёзным и даже не улыбался, – Сэр Уильям – главнокомандующий в этой битве, а также хозяин славного коня Камненога, потому подобное разрешение ты должен спросить лично у него!

Если бы подобную шутку де Моррей разыграл с конём Дугласа, то, пожалуй, стал бы первым, кого лорд убьёт после того, как англичан не останется. А вот Уильям шутку мог оценить.

– Сэр! – внезапно появился разведчик с реки, – Пехота противника уходит. Лучники же продолжают занимать позиции у брода.

И тут де Моррею уже стало не до смеха! Эндрю должен был срочно принять верное решение. Он не знал, что именно могло заставить де Варрена дать приказ об отступлении пехоты, но в первую очередь на ум приходили две причины: «Либо англичане разбиты на мосту и отсту-

пают, либо они прорвали позиции Уильяма и готовят более безопасную переправу. Брод же остаются охранять лучники, и тогда, наверняка, скоро вернётся конница. Значит, верное решение в обоих случаях может быть только одно: немедленно атаковать!» Де Моррей не мог даже предположить, с каким количеством войск придётся столкнуться его малочисленной коннице. Ставку можно было делать лишь на стремительность атаки. Времени для разведки вражеских позиций не было.

– Вот что, малыш Том! Ситуация поменялась! Ну-ка, быстро скачи к той каменной гряде! За ней найдёшь лорда Дугласа. Передай ему: конница врага последний раз была замечена сэром Уильямом у моста со стороны английского лагеря, пехота же их отступает от брода. У реки остался лишь один отряд лучников! Я атакую! Пусть идёт за мной!

Том несколько раз повторил послание, после чего направил Камненога в сторону отряда шотландских копейщиков. Де Моррей же объявил своим людям о начале атаки.

Всадники медленно подвели коней к деревьям, где запрыгнули в сёдла. Англичане на противоположном берегу так и не заметили их. Взмах меча де Моррея послужил командой. С задорным кличем шотландская конница бросилась через широкий брод на захватчиков. Атака получилась настолько молниеносной, что противник успел дать лишь один залп. Всего за несколько минут была уничтожена тысяча отборных английских лучников.

Когда де Моррей и его командиры посчитали потери, то оказалось, что шотландцы во время рейда потеряли всего одиннадцать воинов и шестнадцать лошадей. Ещё четверо человек отделались переломами после падения из седел и не смогли продолжить атаку. Но такое количество жертв выглядело просто ничтожным для столь опасной атаки. Триумф отдельной победы воодушевил де Моррея ещё больше. Он уже не выпускал из рук свой меч, а жар борьбы охватывал его всё сильнее и сильнее. Белому рыцарю казалось, что меч придаёт ему ещё больше храбрости, задора, харизмы, кроме того, делает его почти неуязвимым. Пылая огнём боевой эйфории, де Моррей повёл своих людей дальше.

Однако рассудка он не терял... Эндрю не стал атаковать в спину отступающую от брода пехоту, зная, что по пятам за ним идёт Дуглас, а направил конницу сразу же к мосту, чтобы разгромить другую часть войск противника. Он был уверен, что этим маневром не оставил англичанам возможности уйти или объединиться. А в то, что они могли разбить Уоллеса, он уже не верил.

Всадники погнали коней вперёд галопом, по небольшой дуге обогнув пехоту врага. Шотландцы устремились к поредевшим и смешавшимся английским позициям, где Крессингем возвышался среди разрозненной толпы с ярким, красно-золотым королевским знаменем. Прекраснее цели де Моррей просто не мог себе представить. Наместник же словно застыл, увидев перед собой белого рыцаря.

– Смерть разорителю! – выкрикнул сэр Эндрю и направил своего коня в сторону человека, наводившего страх и ужас на шотландский народ.

«Вот он, подвиг, достойный первого рыцаря! Сразить главного злодея!»

Крессингем даже не успел надеть шлем. При полном попустительстве прочих англичан де Моррей оказался прямо перед своим врагом и точным рубящим ударом снёс ему голову. Затем меч рыцаря нашёл руку вражеского знаменосца. Окровавленная кисть осталась держаться за древко, а англичанин с истошным криком схватился за обрубок предплечья, из которого фонтаном ударила кровь. Де Моррей сорвал материю, вышитую золотыми львами, подбросил в воздух и разрубил двумя ударами крест-накрест. Если снесённая голова наместника привела английских воинов в оцепенение, то меч, способный в воздухе рассекать ткань королевского знамени, уже заставил в панике кинуться в разные стороны, искать варианты спасения.

Де Моррей же впал в лёгкое забытие. Он совершенно не понимал, что оторвался от своего отряда больше чем на тридцать ярдов и что бьётся один с пятью десятками, пусть и демо-

рализованных, врагов. Однако в рукопашной схватке шотландскому рыцарю в тот день равных не было. Вражеские мечи и топоры буквально отлетали от его сверкающего клинка, а перед его конём падали новые и новые трупы противников. Но Эндрю также не мог видеть, как группа английских лучников, оказавшаяся брошенной у берега реки, дала по нему залп. Тяжёлые стрелы, выпущенные из длинных луков с убойного расстояния, смогли пробить даже такую прекрасную броню, как у него. Белый рыцарь, окроплённый тяжёлыми красными каплями, вылетел из седла. Больше десятка английских пехотинцев кинулись добить его, но в этот момент их оглушило дикое конское ржание, заставившее содрогнуться.

«Грозовой Вихрь!» – понял де Моррей, – «Только эта зверюга может издавать такие звуки». Он слабел... Но знал, что сражение выиграно! Лорд Дуглас должен был завершить его прекрасный стремительный рейд.

* * *

Воины Виллема Смелого довольно быстро догнали отступающую английскую пехоту, как и предполагал де Моррей. Англичане числом превосходили своих противников в два раза. Но это не помешало проиграть им бой так же бездарно, как и лучникам у брода. Длинными копьями шотландцы оттеснили их к реке и скинули в воду, так и не встретив сопротивления. Если какому-то обладателю тяжёлой брони посчастливилось не утонуть, на берегу его ждала смерть от меча или топора. Самые несчастные умирали позже от холода в мокрой одежде и уже проржавевших доспехах. Затем воины Дугласа прорвались к бывшему английскому лагерю и помогли коннице де Моррея добить остатки войск противника.

Об этом всё доложили Уильяму Уоллесу, когда его отряд наконец-то соединился с прочим войском. К этому моменту у Стерлингского моста ни у одного, ни у другого берега уже не осталось живых англичан.

Шотландцы приветствовали своего главнокомандующего восторженными возгласами. Робко подошёл малыш Том с Камненогом и с поклоном передал поводья.

– Благодарю, Том, сегодня ты внёс огромный вклад в нашу победу! – Уильям хлопнул юношу по плечу, а потом потрепал за шею своего коня, – А теперь, будь добр, парень, отведи его к остальным лошадям и расседлай.

Том принялся выполнять поручение. У Уоллеса не было времени возиться с Камненогом. Нужно было оценить итоги битвы и масштаб победы. Глазами он искал других командиров. Вокруг же толпились рядовые бойцы, выкрикивая приветствия и салютуя. Дуглас сам прорвался через восторженную толпу. Уоллес даже не успел открыть рот, а тот уже резко выпалил:

– Скорей, Эндрю зовёт!.. Попрошайся.

Дуглас жестом указал другу, куда идти. Толпа расступилась. Уоллес, державшийся спокойно, но ликующий внутри от величайшего триумфа шотландцев, сразу же стал угрюм: «Видимо, за великие победы всегда приходится платить великой ценой». Де Моррей лежал на своём плаще, уже не бежевом, а пропитанном тёмно-бордовой кровью. Возле него суетился Старый Билл. Седой морщинистый травник заменял военного лекаря. Чуть в стороне единственный священник в войске шотландцев, тот самый отец Уолтер, возносил молитвы господу то ли о здоровье рыцаря, то ли уже о принятии его в небесное воинство.

– Уильям... – прохрипел де Моррей, слегка привстав, а Старый Билл в это время успел запахнуть ему под голову комок тряпок, – Мы победили! Ты привёл нас к победе!

– Нет, мой друг, к победе нас привёл ты! А я всего лишь отбил первый удар.

– Теперь без разницы... – де Моррей обернулся, – Билл, отец Уолтер, спасибо вам! А теперь оставьте меня наедине с сэром Уильямом!

Священник и травник удалились. Дуглас, поймавший короткий взгляд раненого, понял, что ему также стоит уйти. Де Моррей набрал воздуха в грудь и тяжело вздохнул. Сейчас он собирал последние силы.

– Послушай! – вполне уверенно начал рыцарь, – Мне осталось совсем чуть-чуть, но я должен успеть рассказать тебе кое-что. Налей-ка! – он показал пальцем на большую чёрную бутылку и деревянную чашу, стоящую рядом, – Успели разграбить обоз! Вино с королевской печатью... Крессингем собирался праздновать победу. Но её буду праздновать я! – Уоллес медлил, – Да лей уже! Мне ничем не помочь. Вот и умру захмелевшим, с кубком в руке на поле нашей победы! Ведь это славная смерть для рыцаря, Уильям?

– Это славная смерть для любого мужчины! – он протянул другу полную чашу, – И ещё, при всём этом ты знаешь, что успел подарить своему народу свободу!

– Да... По крайней мере, на время... – невесело сказал де Моррей и осушил кружку до дна, – Ещё!

Пока Уоллес наливал, он начал разговор:

– Ты никогда не задумывался, почему англичане пришли к нам с войной?

Мужчины подружились сразу же после знакомства, и были откровенны друг с другом. Но подобного, казалось бы, очевидного разговора ещё ни разу не заводили.

– Задумывался, – ответил Уоллес, – Честолюбие и жажда власти Эдуарда! У меня нет другого объяснения – он по-своему безумен.

– Безумен настолько, чтобы вступать в ненужный конфликт во время войны с Францией? Или безумен настолько, чтобы стремиться покорить наши холодные горы так же рьяно, как солнечные Бретань или Фландрию?

– Франция ближе к нему, но её отделяет море, мы дальше, но до нас можно дойти по суше... Зачем искать логику в действиях завоевателя? Он хочет всего и сразу! Он будет брать то, что взять проще, или то, что ближе, не задумываясь о том, нужны ли государству его войны и захваченные им земли.

– Зачастую это так, но не в нашем случае... Эдуарду нужно было другое...

– Что же?

– Мой меч!

– Что??? – Уоллес уставился на друга. У того закатывались глаза. Он собирался с силами. Уоллес понял, что у де Моррея началась горячка, и он бредит.

– Я умираю! Дослушай меня! А потом сделай, что я попрошу! – Он крепкой хваткой вцепился своему товарищу в плащ и хриплым шёпотом начал повествование. Уильям не мог уловить суть, видимо, раненый уже забывался.

Он рассказывал о своём вассале, которому приснилась некая лесная фея, призвавшая этого вассала к себе. Тот отыскал её по зову и обнаружил в её колдовском лесу заговорённый меч. Взял его без спросу, и фея обрушила на него свой гнев, наказав, чтобы господин вассала, то есть де Моррей, лично ей этот меч вернул. Далее всё пошло совсем запутанно... В рассказе появлялись единороги, карлики и прочие невиданные существа. А закончил Эндрю рассказ тем, что англичане вторглись в Шотландию именно после того, как этот слуга вернулся от феи с украденным мечом. Вассал скрывался в лесах, пока за несколько лет не превратился из юноши в дряхлого старика. А фея всё время являлась к нему в видениях. Тогда, не в силах выносить мучения, он вернулся к де Моррею, рассказал ему о случившемся и вручил меч. Рыцарь не поверил слуге, однако оставил меч себе. Он чувствовал в нём силу, которая и сподвигла его на начало восстания.

Сегодня же, по словам де Моррея, меч его предал и обрёл на смерть. И всё это произошло якобы потому, что он оставил меч себе, а не вернул фее. Сейчас же, умирающий рыцарь просил Уоллеса довершить то, что суждено было выполнить ему.

– Обещай, Уильям! – сказал де Моррей и вложил в его руки ножны с мечом. Это действие отняло у него последние силы. Окончательно исчерпав свой жизненный ресурс, он потерял сознание. Уоллес не успел ничего ответить, решив, что это к лучшему. В бреду горячки товарищ требовал с него невероятных невыполнимых клятв, а Уильям как человек чести не мог их дать.

Правда, едва Уоллес коснулся рукояти, по телу его пробежала дрожь. «Действительно, в мече таится какая-то неведомая сила. Или мне это просто показалось?» – подумал он, – «Но слова, которые только что говорил Эндрю, однозначно были наполнены безумием!» Он, наконец, оторвал взгляд от странного оружия и посмотрел на его бывшего обладателя. Тот застыл в неестественной позе. Сэр Эндрю де Моррей был мёртв...

Уоллес положил белого рыцаря на спину и закрыл ему глаза. Он простоял над ним на коленях несколько минут и вдруг обратил внимание на небо. Невероятно, но дождь кончился, а серую грудю туч уже разрезал ярко-оранжевый луч заката. «Вот оно, чудо!» Уоллес, словно повинувшись небесному знамению, выхватил меч из ножен и тут же оказался охвачен необъяснимой пламенной страстью, словно твердившей ему о грядущих великих деяниях. «Это потрясающий меч!» – подумал Уильям, – «Эндрю просто бредил перед смертью... Но зато его клинок безупречен, ибо он может воодушевить любого воина! И я, сэр, да, именно сэр Уильям Уоллес должен вести свой народ к окончательной победе. Ведь это прекрасно: поднять над головой клинок павшего друга, чтобы продолжить его дело...»

Кто-то из шотландцев увидел фигуру Уоллеса, стоящую на берегу реки в лучах заката и поднимающую над головой меч.

– Слава Уильяму Уоллесу, хранителю Шотландии! – закричал он.

– Слава хранителю Шотландии! Слава хранителю Шотландии!!! – громовым голосом стремительно подхватили сотни и тысячи голосов.

Глава 3. Последний из рода Дану

Одинокий воин в отполированной кирасе, из-под которой выпирала массивная кольчуга, вошёл под своды гигантской пещеры. Тяжёлые шаги повторялись отзвуками эха. Напряжение возрастало, воин волновался, но любопытство пока пересиливало.

«Неужели ловушка? Неужели я так легко купился на это? Галахард и Уриенс тысячу раз были правы, запрещая мне покидать замок одному... Но есть что-то сильнее разума... Сердце! И оно ведёт меня вперёд... Только бы не ошибиться!»

Рука поправила прядь тёмно-каштановых волос, схваченных золотистым обручем, при знаком высшей власти. Воин был королём! Совсем юным по годам, но взрослым по поступкам.

Самый главный и самый безумный поступок он, пожалуй, совершал сейчас.

Лицо короля светилось молодостью, но выглядело уже совсем не по-мальчишески. На щеках и скулах начала пробиваться грубая щетина. Из-под густых тёмных бровей смотрели зрачки серых проникновенных глаз. Острый нос и неподвижное горизонтальное положение узких губ добавляли королю строгости и мужественности, делали ещё взрослее.

На доспехах был выгравирован золотой лев, родовой герб. Его контуры отбрасывали яркие искры, обозначая прекрасную мишень. «Додумался! Зачем послушал *его*? Напялил парадную кирасу!»

Воин-король всё сильнее и сильнее стал сжимать рукоять меча. Незнание довлекло над ним...

«Что же там, впереди?»

Юноша прошёл уже три сотни ярдов, но пещера не становилась уже. Он обернулся и увидел, как в арку входа обозначают лучи полуденного солнца. С каждым шагом вперёд должно было становиться всё темнее и темнее. Однако дневной свет, вопреки всем законам природы, будто бы продолжал движение вместе с гостем загадочной обители.

Всю свою недолгую жизнь король выслушивал за спиной тихие сплетни о своём таинственном появлении на свет и необъяснимых вещах, творившихся в его ранние годы. Увы, этих ранних лет он не помнил, а уже в сознательном возрасте ничего необычного вокруг себя не замечал.

Сказки, которые могли и вдохновить, и погубить мечтательного мальчика, юного короля скорее раздражали, заставляя всё больше времени уделять любимому занятию – упражнениям с мечом. В итоге за все отрочество и юность волшебных событий с ним так и не приключилось. «Видимо, это – удел королей!» – рассуждал он совсем не по-детски, – «Мальчик-король отличается от всех остальных мальчишек тем, что, играясь с оружием, он представляет себе не битву с драконами, а схватку с вражеским войском. И из этой схватки необходимо выходить победителем; иного выхода нет, если за спиной лежит всё твоё королевство».

Жизнь его была тяжела... Король-изгнанник, король-сирота... Только названный дядя Уриенс неистово и рьяно защищал его от тех, кто пытался лишить мальчика королевского титула. «Это – сын Утера Пендрагона! Моего господина! Великого правителя земель запада! Есть ли те, кто хочет оспорить его права на престол?» – Уриенс потряхивал своим увесистым мечом. «Почему он тогда здесь, Уриенс, а не в своём Даведе?» – бывало, кто-то вступал в спор. «Придёт время, и Давед, и южные, и северные земли соберутся под его кулаком!» – Уриенс был непоколебим.

– Ты так часто упоминаешь имя моего отца... Расскажи о нём! Как он погиб? Кто моя мать? – после этих расспросов юного короля каменный Уриенс давал слабину и молча, потупив взор, уходил от ответов.

А за спиной король опять слышал: «Это мальчик – сын злой колдуньи! Он погубит всех нас!» «Нет! Ты что! Он избранник богов! Он приведёт наше королевство к славе!» «Дураки!»

Нет никаких богов! А всё наше королевство – замок да пара убогих деревень! Долой мальчишку, посадите нами править толковую голову!» «Да говорю же, он – избранный!» «Меченный злом он!» «Да что теперь, его в зад целовать, раз избранный да меченный?!»

Как сильно эти слова кололи сердце юного правителя! Но не сломили его! Только сделали крепче.

И сейчас, ещё не достигнув двадцатилетнего возраста, он успел окружить себя ореолом славы. Британские земли в то время были суровы и неприветливы. Лишь южные территории, занятые Римской империей, имели связь с прочими европейскими народами и вели вялую торговлю. Большая же часть острова жила по своим законам. Небольшие деревни воевали между собой за право продолжения жизни. Охота и рыбная ловля не могли досыта прокормить людей, а земледелие и скотоводство пока что не использовались повсеместно. Зато римляне научили бриттов ковать мечи и доспехи, строить замки. Жители острова быстро переняли эти науки. Теперь вокруг каждого замка рождалось новое королевство, которому присягали люди ближайших деревень. Однако, справедливости в каменных городах было мало. Правители утверждали свою власть не законом, а силой...

А молодой король решил изменить всё. «Что ж, считаете меня особенным, значит, я буду таким! Избранником богов или меченным злом, решайте сами! Но в моём королевстве будет то, чего не найдёшь в других – мир и справедливость!»

И его замок для всех окрестных земель стал оплотом правды. Иных защитников у бриттов не было... Король ввёл жёсткие законы, обязался охранять мирный быт простонародья, а также, несмотря на возраст, отстоял своё право на трон.

Люди за его спиной продолжали шептаться о том, что ему помогает колдовство. Но колдовство здесь было ни при чём... Воля и холодный разум вели короля вперёд.

Был один необычный случай... Вернее, король не сомневался, что это был лишь сон. Но сон этот вошёл в его память, словно явь.

Королю было четырнадцать лет. Он охотился вместе с Галахардом и свитой приближённых. Они ночевали в лесу. Юноша проснулся, когда было темно. Удивительно, но бдительный Галахард мирно посапывал! Костёр догорал, отбрасывая слабый свет на сонный лагерь. Тут что-то зашевелилось в кустах! Что-то светлое... белое... сияющее... И король увидел сначала голову, а потом и всё тело величественного единорога... Но вдруг налетел ветер, костёр запылал ярче – единорога и след простыл. Тут же проснулся Галахард. «Что случилось?!» – изумлённо выпалил он. «Всё в порядке», – успокоил король, – «Просто ветер...» Наутро он спросил Галахарда, мог ли тот ночью задремать. «Как можно! Всю ночь я охраняю тебя, мой король, не смыкая глаз!» Получалось, это был лишь сон... Но единорог был таким реальным... Даже не из сказок и легенд друидов, а живым, настоящим!

Друиды!

Король очень любил этот странный лесной народец. По возможности следил за ними, их обрядами, обычаями... Друиды-то и стали причиной появления короля под сводами пещеры исполинских размеров.

Друиды не строили домов, таких, какие строили бритты, а жили в лесу. В замке, в бриттских деревнях они появлялись редко. Все в рваных грязных одеждах, точно из древесной коры, вечно пахнувшие болотом и хвоей. Король знал, что крестьяне иногда ходили к друидам за зельями, травами, врачевались у них. Поговаривали также, что друиды владеют колдовством... Потому большинство бриттов всё-таки сторонились их... Не боялись только почитатели старых богов.

Король часто задумывался о богах и их земных проповедниках... Кто-то верил в богов старых, потому что они *свои*. Кто-то – в богов римских, ведь если боги *римские*, значит, они *сильнее*. А тем временем, уже целые толпы жителей замка вились вокруг чёрного человека, говорившего о боге на кресте. Мол, этот бог – единственно верный, а кто не уверует в него,

тому суждено полыхать в пекле... «Тоже сильный довод в пользу истинности веры!» Королю друидское верование было милее, но не потому что оно было *своим*, нет. Наблюдая за друидскими обрядами, он находил обряды эти какими-то простыми, естественными... Словно в них лесные люди ещё больше единились с природой.

Сам же король ни во что не верил, кроме надёжного меча и думающей головы. Его детство, прошедшее без родителей, любви и заботы, подарило ему лишь множество интриг и заговоров за спиной. Не до богов было!

Да, друиды сторонились больших поселений, но рядом с королевским замком их как раз можно было встретить. Три священные поляны расположились меньше чем в миле от каменных стен... Рассветная, закатная и полуденная. Там и свершались их чудные обряды. Неуклюжие пляски, песнопения, то до ужаса противные, то невероятно сладкоголосые, взывания к богам – всё это забавляло государя.

Его приближённые друидов либо побаивались, как прочие бритты, либо надсмехались над ними. Симпатий короля никто не разделял... А того так и тянуло к ним. И вот однажды он пришёл в их деревню! Лесовики жили на деревьях, в деревьях, под корнями деревьев... Ни одного нормального дома! Старейшины приняли короля. Они сообщили, что давно заметили его интерес к их народу... Король пообещал, что друидские святыни, поляны, священные деревья он возьмёт под свою защиту, и никто более не посмеет их осквернить. Друиды приняли королевскую помощь, теперь он стал их другом и желанным гостем.

И вот, в один из дней король наблюдал за пляской, через которую воздавалась хвала одному из богов.

В этот раз друиды чествовали Бэла, бога солнца, на своей главной полуденной поляне. Король засмотрелся на зрелище. И ему почему-то почудилось, что отшельники в этот раз будто бы вкладывают все свои силы в воззвания к небожителю, точно молятся ему в последний раз.

Внезапно рука, появившаяся из пустоты, потянула правителя за рукав:

– Идём со мной! С тобой хотят говорить... – Король дёрнулся, развернулся и выхватил меч, бывший всегда при нём. В полушаге стоял мужчина ростом около четырёх футов¹⁰. Но именно мужчина, не карлик! Плечистый, коренастый, с приличным животом, огромной, коричневой, древесного цвета бородой. Он был одет в серо-зелёный балахон с капюшоном, укрывавший почти всё тело и голову, кроме лица.

– Ещё никому не удавалось подкрасться ко мне незамеченным! Кто ты? И чего ты хочешь?

– Меня зовут Прадери. Я – друид. Я хочу отвести тебя к своему владыке. Он просил меня об этом... – должного уважения к королю у странного человека явно не было, но в тот момент правителя это беспокоило меньше всего. «Что за Прадери? Откуда ты взялся?!»

– Друид? Ты не похож на них! – король указал на поляну, – И какой ещё владыка? Владыка в этом королевстве только один – я!

– Не похож... Но нельзя судить о дереве по его коре! Ведь ты видел только младших друидов. Да, они живут на деревьях и взывают к богам на моленных полянах. Но нас, друидов, много... И мы разные! – Прадери выдержал паузу, разграничив ответы на два различных вопроса. А говорил он спокойно, уверенно и как-то угрюмо, – Ты – король! И с этим никто не спорит. Но есть владыки, перед которыми преклоняются все короли...

– Кто же?

– Идём. Скоро всё станет понятно. Если будет угодно, можешь надеть лучшее убранство. Ибо подобного дня в жизни твоей больше не будет.

– Тогда не день ли это моей смерти? – испытующе спросил король.

– Зачем куда-то идти за смертью, если я настолько бесшумно могу оказаться рядом?

Правитель усмехнулся и взглядом показал друиду на острие своего меча, мол, если ты сумел бесшумно приблизиться ко мне, это ещё не победа. Но с быстротой, равной хладнокровию, в руках Прадери из-под полы балахона появились небольшой лук и стрела, которую он не глядя выпустил вверх. Король пребывал в секундном замешательстве, а к его ногам откуда-то с верхних ветвей рухнул огромный жирный фазан. Маленькая, почти игрушечная стрела пробила птичью голову, не повредив тушу. Удивление, восхищение и настороженность по отношению к незнакомцу возросли.

– Ты по-прежнему мне не доверяешь, – сказал Прадери, – Но я уже знаю, что ты пойдёшь со мной. Не стоит терять время.

– Я должен идти один?

– Да. Один.

– И я не должен никого извещать о нашей встрече?

– Можно и известить. Но ты не сделаешь этого.

Король задумался: «Безумие, чистое безумие – взять и куда-то пойти с подобным спутником!» Он, молодой, но прагматичный правитель, не мог такого допустить. «Но и ловушкой это вряд ли могло оказаться... Друид прав, он мог давно совершить убийство, но не сделал этого. Тогда какая опасность может подстергать меня? Быть захваченным в плен с целью выкупа? Или встреча с грабителями? Сущая глупость: мелкие разбойники в окрестностях замка давно перевелись, а недруги заплатили бы за мёртвого короля гораздо больше, чем за живого», – любопытство брало верх.

И вот, первый раз в жизни король решился на столь ветреный поступок!

– Лучшее одеяние говоришь? Ну, что же! Жди меня возле этой поляны через час.

И ровно через час король вернулся, облачённый в начищенные доспехи, с позолоченным обручем, заменившим корону на голове. Своим советникам Галахарду и Уриенсу он сообщил, что отправился в друидскую деревню, дабы посетить их главный праздник в качестве почётного гостя по просьбе местных старейшин. И Галахард, и Уриенс советовали взять с собой охрану. Когда король наотрез отказался, не стали настаивать. Они-то уж точно не считали лесовиков опасными.

А Прадери невозмутимо зашагал прямо в чащу. На ходу буркнув:

– Следуй за мной!

Король стал понимать, что смотрится в своей сверкающей броне в лесу гораздо более нелепо, чем грязные друиды, пляшущие на поляне. Воин, пусть и не в полном вооружении, ломился через тернии и вёл себя крайне неуклюже.

«Зачем? Зачем я слушаю его? Зачем слеую за ним? Глупо же!» – думал он, но шёл вперёд.

Спутники продирались сквозь заросли довольно долго. Вернее, продирался, в основном, король, а Прадери уверенно шагал по лесному бездорожью, словно по гладко вымощенной дороге, минуя всякие преграды. Вдруг неожиданно дорога действительно появилась под ногами, будто бы из ниоткуда.

Только что король и друид ступали по сырому мху, усыпанному листьями, а теперь шли по ровной утрамбованной тропе. Правитель бросил взор назад. Змейка дороги ползла за ними издалека. «Как такое возможно? Ведь я совсем недавно провалился по колено в канаву, а потом получил веткой по лицу...» Прадери же продолжал невозмутимо идти вперёд. Король хотел ему задать вопрос о том, как они оказались на широкой дороге, но вдруг обнаружил, что небо потемнело, окунулось в вечерние сумерки. Хотя совсем недавно солнце парило в самой вышине.

«А вот это ли не колдовство???»

– Уже вечер? Мы же только вышли!

– Да, – коротко отрезал Прадери.

Король хотел переспросить, а на небе уже засияла луна и яркие звёзды. «Точно, колдовство! Вокруг царит колдовство!» – иного ответа не было, старые легенды, выходит, не вдали. Рука по привычке схватилась за меч. «Можно попробовать убить своего странного спутника, можно пуститься бежать во весь опор назад. Но получится ли это у меня? Здесь господствуют необъяснимые силы. Пожалуй, пока что разумнее всего – покорно следовать за друидом...»

День и ночь сменили друг друга ещё одиннадцать раз, но король даже не чувствовал усталости, будто только что вышел из замка. И сна ни в одном глазу!

Однако после всей этой смены рассветов и закатов правителя стала волновать не только собственная судьба, но и судьба его королевства, в том числе оставленного замка: «Предположим, меня действительно нет уже одиннадцать дней... Меня ищут, наверняка ищут, но безрезультатно... И что будет, если приближённые решат, что поиски далее бесполезны?..»

– Долго ещё? – спросил он у Прадери.

– Нет... – как всегда кратко ответил тот. Но его *нет* ставило лишь смутные временные рамки. Светило солнце и шелестел бескрайний лес...

Однако друид на этот раз ответил довольно точно. Очень скоро деревья всё же расступились. Когда между ними появился просвет, король несказанно обрадовался. Открылся вид на просторные поля, посреди которых возвышался высокий изумрудный холм. У его подножия был очерчен каменными плитами огромный вход в пещеру. Причём степенное спокойствие холма никак не сочетались с грубостью и резкостью камня.

На возвышении было возведено величественное сооружение из огромных монолитов, поставленных вертикально по кругу. Сверху лежали такие же монолиты, образуя колоннаду. Внутри сооружения было несколько ворот, сооружённых из камней меньшего размера, двух вертикальных и одного лежащего на них сверху поперёк. Все глыбы были идеально отёсаны и выровнены с необычайной точностью. Всё время пока приближался к холму, король не мог оторвать взгляда от загадочной конструкции. Стал гадать, в каких целях она могла использоваться...

Когда путники подошли вплотную к подножью, где начинался вход, Прадери опять бросил короткую фразу:

– Дальше один!

Разговаривать с угрюмым спутником больше не хотелось, и король зашагал внутрь. Сначала уверенно, так, что под сводами пещеры зарокотало эхо. Потом всё осторожнее и осторожнее...

Он прошёл более полумили. Солнечная арка входа скрылась за плавным поворотом, но в пещере по-прежнему было светло, как днём. Своды сузились примерно раза в два, но проход всё равно оставался огромным. Вдруг впереди забрезжил свет, такой необычный и искрящийся, как будто в погожий, но облачный день плотную белёсую пелену рассёк прорвавшийся через неё солнечный луч. Король подумал, что тоннель через холм сквозной, и сейчас он окажется на противоположном склоне.

Но тоннель закончился, и путник, к своему удивлению, оказался не на открытом пространстве, а в зале невероятных размеров, служившим кому-то обителью. Этого *кого-то* король уже мог видеть. Точнее, увидел краем глаза, но вроде как боялся смотреть на него прямо. А потому стал судорожно изучать архитектуру грандиозного помещения. По гладким стенам аккуратно и равномерно стекали ручьи, образуя внизу круговой водяной ров. Из коричневатого земляного купола со всех сторон выпирали драгоценные камни, расставленные по поверхности всего свода с размеренной точностью, но просто и естественно. И нельзя было понять, живое существо это сотворило или сама природа. А ещё внутри абсолютно всё: стены, ручейки, драгоценные камни – светилось летним солнечным светом. При этом жарко внутри пещеры не было.

– Приветствую тебя, король Артур, сын короля Утера и девы Озера, король Камелота и хранитель иных королевств земель Дану!

Юный правитель, наконец, решился рассмотреть неведомое существо, заговорившее с ним. Внешне оно было похоже на человека. Но, во-первых, рост его превышал рост Артура в четыре-пять раз, во-вторых, каждой частью своего тела оно излучало солнечный свет, подобный тому, что излучала пещера. Лицо было недвижно, как будто высечено из камня. Голову охватывал венок из неведомого сплава, который не то искрился из-за украшений на нём, не то горел настоящим пламенем. Длинная борода была аккуратно расчёсана и свисала до пояса. На теле была длинная, почти до пят, белая туника с причудливыми узорами. На её рукавах, равно как и на поясе, были начертаны неизвестные символы.

– И я приветствую тебя... – Артур задумался. Он уже понимал, кто перед ним, но несколько мгновений не решался сказать это вслух – ... Бэл, великий бог Солнца и живого огня!

Ещё пару часов назад наблюдая за лесовиками на поляне, он считал их обряды не более чем поверьями простонародья. Но сейчас Бэл находился перед ним! Величественный и прекрасный! Совершенно реальный! Артур преклонил колени.

– Похвально, что ты узнал меня, молодой король! Но дам тебе сразу знать, что я – не бог!

– Но...

– Встань... Я лишь показывал веками людям пути до солнца. Но не всегда мои учения принимались верно, как не всегда верно принимали и меня.

– А друиды?.. – Артур поднялся с колен.

– Те, за которыми ты любишь наблюдать – младшие. Они более близки к людям, но, однако, ещё не потеряли того учения, которое я им дал, хоть и изрядно исказили его. Высокие друиды, пульпиканы, вроде Прадери помогли мне и моему клану. Но теперь и пульпиканы, и мои собратья покоятся во сне... Прадери – последний пульпикан, в этом мы с ним похожи – последние в своих родах! – именование Прадери *высоким* друидом заставило Артура слегка улыбнуться, несмотря на величественность момента, – Существуют ещё и верховные друиды, пикси. Они блуждают по миру в отшельничестве, ставя своей целью поиск смысла бытия и Истины... Их тоже немного, наверное, единицы. А возможно, и не осталось вообще. Я слишком давно не выходил в мир людей...

– При этом знаешь моих родителей, которых не знал даже я! – Артур быстро смелел. У него сразу появилась уйма вопросов к Бэлу.

– Находясь здесь, можно услышать многое...

– Я тоже в детстве многое слышал... и про деву Озера тоже...

– Ты слушал сплетни и слухи, а я слушал голоса земли и солнца, воды и ветра...

– Так кто ты? Что за клан? Почему ты последний? И... – Артур осёкся.

– И? – повторил Бэл.

– И кто я?!

– Кто такой ты, я уже сказал. Ты – Артур, сын короля Утера и девы Озера, король Камелота и хранитель иных королевств земель Дану! А если тебя интересует история твоего рождения, а также истории жизней твоих матери и отца, то советую набраться терпения.

– Я готов.

Бэл выдержал паузу и заговорил:

– На своём языке я и другие, подобные мне, называли себя *оуоамма*, что означает *живой разум*. Это было ещё до появления вас, людей. Ваши же народы именовали нас по-разному, точнее не нас, а нашу тень, оставшуюся в их памяти. Лесные друиды, а потом кельты звали нас *фоморами*, римляне – *титанами*.

– Боги древности... Вы были для первых людей богами! Иначе вас не могли принимать! И ваши образы пронеслись сквозь века!

– Ты всегда был умён. Мой клан именовался *кланом Дану!* Имя нашему роду дала пра-родительница Дана, одна из самых древних фоморов...

– В старых сказаниях племя *Дану* сражается с племенем *Фоморов*...

– В этом есть доля правды. Догадаешься, кем были иные кланы?

– Разные народы поклонялись разным богам, потому что каждый ваш клан чему-то учил народ, живший рядом с ним... Римляне! У римлян ведь иные боги! Это другой клан? Так?

– Думаю, что могу не продолжать свой рассказ, ты сам всё понял!

– Подожди! Значит, ты знаешь, как на земле появились люди? – Артур уже совершенно не испытывал страха и обращался к Бэлу, будто к равному.

– Нет. Мы спали... Все до единого. Никто не знает, как долго. Но когда пробудились от Великого сна, рядом с нами уже существовали человеческие племена. Совсем дикие, не многим отличающиеся от животных... А мы... Вселенная погрузила в сон всех фоморов, когда мы достигли величайшего просветления и могущества.

– В чём же оно заключалось?

– Ты можешь достать тот голубой топаз над твоей головой? – Артур поднял голову и увидел великолепный камень, отдающий лазурной синевой. Он возвышался над ним на высоте двадцати-двадцати-пяти ярдов.

– Это невозможно, – король не успел договорить, как самоцвет выпал из земляного основания потолка и аккуратно опустился прямо в его руки, – ...Для меня... – тут же поправился Артур.

– В другом месте ты бы назвал это колдовством, – из уст Бэла это звучало как утверждение, а не как вопрос.

– Я и сейчас назову это так...

– А для фомора, для *оуоамма*, это сродни такому же небольшому усилию, как сделать взмах рукой.

– Тогда мне даже страшно представить, к какому могуществу вы могли прийти.

– К высшему! И, пробудившись от великого сна, мы поняли, что Вселенная велит нам поделиться своими знаниями с младшими существами. Мы стали учить людей всему... Но... Я владел всеми тайнами огня, я мог напустить жар на леса, поля, даже океаны, и они обратились бы в тлен и прах. А нужно было донести до людей то, как высечь искру из кресала, дабы мне лишь разжечь свой очаг и приготовить еду...

– Ты ведь можешь двигать и солнцем!

– Нет, усьмири свою фантазию, юный король! Неужели тебе непонятно? Я – не бог! Это солнце двигает мной! Я ему подчиняюсь, а не оно мне! Оуоамма берут силу Вселенной, силу Творца... Но сами мы – не творцы!

– Начинаю понимать...

– Я владел силой огня, – продолжил рассказ Бэл, – Другой – силой ветра, третий – пусть не стихиями, а внутренней силой, силой разума, духа... Но мы перестали видеть смысл в учении этому людей, те не понимали нас... «Где тогда Истина?! В чём был смысл нашего существования?» – задавались вопросом мы... Вопросали Вселенную – она молчала! Мы хотели отыскать эту Истину, но...

– Начали войну! – неожиданно для себя выпалил Артур.

– Да! Ты опять уловил суть. Великую войну. Последнюю! Каждый клан хотел стать единственным, дабы получить абсолютную власть над миром. В какой-то момент нам показалось, что Истина там... Что ж, я сказал, мы достигли пика развития, пика могущества, а значит, вскоре должно было совершиться падение. Ты уже примерно можешь представить нашу силу... Война была разрушительной и стремительной... Горело небо, дрожала земля, чёрный дым заслонял светила. За небольшое время на земле осталось лишь девять кланов оуоамма. Девять! А на момент великого сна нас было триста шестьдесят пять...

– Как дней в году?

– Именно. Вселенная любит наделять своих детей знаковыми числами... Триста шестьдесят пять кланов и один безумец без рода и племени. Он-то и спас всех. Его звали Зораав. Он не относил себя ни к одному из кланов, всю жизнь скитался по свету и искал Истину. Ту самую, великую, от которой мы отказались, начав войну. И в самый разгар нашей войны, когда она была готова уничтожить всё живое, он нашёл Источник. Место, где был слышен голос Творца. Мы считали Творцом всю Вселенную, но оказалось, что сам Творец существует также и стоит выше неё... Из-под земли бил ключ, образуя тот самый Источник. И Творец дал Зорааву выбор: либо возможность прикоснуться к Источнику и обрести Истину, либо возможность прекратить войну и обрести для всех оуоамма бессмертие...

– Он выбрал второе... – *Творец, Вселенная, Истина* – эти слова не пугали Артура, ему хотелось слушать и слушать этот рассказ дальше.

– С тех пор прошло не одно тысячелетие, но я не могу понять почему! На тот момент в каждом клане оставалось по тридцать-сорок оуоамма, очень мало женщин и единицы детей... Мы явились к Зорааву и избрали его своим владыкой. Воевать нам более не хотелось. И, видимо, по велению Творца мы даже не могли сделать этого.

– Как вы поняли, что Зораав отыскал источник? И как нашли его самого? – вопросы все прибавлялись и прибавлялись.

– Я способен чувствовать любого оуоамма на любом конце земли. Слышать, видеть... И сейчас, поверь мне, я не чувствую никого, я последний...

– Зораав и девять ваших кланов... Больше никого не осталось после войны?

– Из чистых оуоамма – никого, кроме одного... Он потерял весь свой род на войне и, видимо, был где-то рядом с Зораавом, когда тот отыскал Источник. Но если бы он нашёл источник первым, то наверняка бы выбрал Истину. Впрочем, как и все мы... С того момента он запретил называть себя по имени и стал постоянным спутником Зораава. Обращались же все к нему просто – Жрец.

– Из чистых *оума... оумаа...*

– Говори на своём языке, ты можешь называть нас фоморами.

– Из чистых фоморов. Значит, есть кто-то ещё... *нечистый?*

– Вот мы и подошли к тайне твоего рождения...

– Что??? Я??? – к такому повороту событий Артур не был готов.

– Ты – человек внешне и внутренне, но внутри тебя скрыта сила Земли и сила оуоамма! Бэл на несколько мгновений остановился, Артур молча продолжал смотреть на гиганта.

– Твоя мать – дева Озера. Она – сидхе, дух Земли. Пока духов Земли питали силы природы и их светлые дела, Творец и Вселенная поддерживали в них жизнь. Духи Земли сторонились людей, как сторонились в одно время нас. Были среди них феи – добрые существа, хранители лесов, озёр, рек. Были гоблины – существа, стремящиеся к хаосу и разрушению, но этим самым всё равно оберегающие природные святыни. Были богли – духи бесплотные. Богли могли жить в течении реки, в дуновении ветра, но не могли обрести плоть... А были баньши! Сидхе, которые могли принять облик человека... Или оуоамма... Или зверя... Любого другого живого создания. Сидхе могли явиться человеку в его плотском облики, но если вдруг между Духом Земли и человеком возникала близость, то сидхе почти тут же погибали... Вначале обретали бестелесность, а потом затухала их божественная искра. Так Вселенная наказывала тех, кто сбивался с пути своего предназначения... Духи Земли всегда были сильны и могучи, но когда они сталкивались с тем, что люди порой называют любовью, страстью, плотским влечением – они умирали. Навсегда!

– А моя мать?

– Первая и единственная! Она не только не канула в небытие, но и понесла и родила тебя!

– А потом?..

– Потом её искра всё же угасла... Видимо, Творцу и Вселенной нужно было именно так... Несмотря на их же запреты и предназначения...

«В мире существуют оуоамма, они же фоморы! Также существуют сидхе! А я, король Артур, не человек...» – голова правителя Камелота шла кругом!

– А отец? Ты сказал, что во мне есть сила оу... фомора.

– Отец твой был сыном оуоамма и человеческой женщины... Когда-то давно, ещё до войны оуоамма Укко из погибшего позже северного клана Калевы познал человеческую женщину. Впервые! Вселенная и Творец запрещали *это*, но *это* опять же свершилось! Человеческая женщина родила сына, которого назвала Вяйнямёйнен. Клан Укко забрал ребёнка и воспитывал как оуоамма, скрыв от него его происхождение, но однажды Вяйнямёйнен его узнал...

– И тоже познал человеческую женщину, а та родила от него... И этот род продолжился...

– Да! Это *Дети Вяйнямёйнена*! Если рождался мальчик, ему впоследствии доставалась лучшая женщина, живущая на земле, если девочка – наоборот. Новая раса, раса высших людей, имеющих силу оуоамма. И твой отец – один из сынов Вяйнямёйнена...

– И я тоже?

– У тебя есть старший брат, он продолжает этот род. А ты – властелин трёх сил! Твой отец был не таким, как все они... Он оборвал нить, тянувшуюся тысячелетиями, встретив деву Озеру и зачав тебя... После того, как ты родился, а искра в твоей матери угасла, он отвёз тебя в свой замок, но... У Детей Вяйнямёйнена есть много приближённых, которые следят за чистотой рода. Утер был убит, а ты чудом спасся... Один мой... *знакомый* доставил тебя в Камелот, провозгласив королём. Почти двадцать лет ты жил под охраной меня и друидов.

– Тех... – Артур хотел сказать *оборванцев*, но вовремя сделал паузу.

– Они могут быть гораздо сильнее, чем ты думаешь, даже если и отошли от моих учений.

«Невероятно! Значит, не только благодаря Уриенсу и Галахарду я жив до сих пор! Друиды! Вот почему меня к ним постоянно тянуло...»

– Одного не могу понять... Приближённые Детей Вяйнямёйнена убили моего отца! Но кому служат они, если не самим Детям Вяйнямёйнена? Ведь мой отец пошёл против... Значит, против *кого-то*...

– Против владык! Они служат земным владыкам. Тем самым, что грезят новой расой...

– Они же не вечны, эти владыки, смертны... Зачем это нужно им?

– А вот этого мне не понять, молодой король... Я оуоамма! Фомор! Но стремлений многих людей я просто не могу постичь... Тебе же наверняка придётся встретиться с ними. Ты – отдельная ветвь! Они, владыки и твой брат, всегда будут видеть в тебе угрозу своего существования. Ты несёшь великое семя и великую силу!

– Я смогу узнать их?

– Они отличают себя этим символом... – Бэл поднял руку и в воздухе огнём начертал символ **A** своеобразной формы, – Это всё, что может выделить их... Иного я не знаю.

– Ты сказал, что ты последний из фоморов. Сегодня, когда друиды возносили тебе хвалу на полуденной поляне, я почувствовал, что они произносят это в последний раз...

– Они произнесут это и завтра, и через века, но меня уже не будет.

– То есть ты... умрёшь? Но как? И как умерли другие? Вы же обрели бессмертие!

– Я не умру, а усну, как уснули другие, выполнив своё предназначение. Но сначала отдам то, ради чего позвал тебя сюда, и расскажу ещё одну историю...

Бэл прикрыл глаза. В ту же секунду меч в руке Артура, который он, увлечённый беседой, так и не убрал в ножны, стал раскалённым, огненно-красного цвета. Король вскрикнул от боли и выронил горящую сталь. Непонятная масса даже не успела упасть на землю, обратившись в воздухе в ничто.

– Он больше не понадобится тебе! – Бэл вплотную приблизился к остолбеневшему Артуру и склонился на одно колено. Король, испугавшись, сам опять встал на оба колена и прижался к земле. Фомор же достал из-за пояса свой меч, искрящийся светом более, чем он сам. Артур поднял взгляд и увидел друидского бога, протягивающего ему оружие. С почтением он принял клинок из рук Бэла. Для короля Камелота меч был огромен. Однако буквально за мгновение оружие уменьшилось в размерах, приняв идеальную длину для руки человека. Ладонь Артура сжала рукоять, и правитель ощутил, что меч лёг в его руку так легко, так нежно, будто бы сам желал этого... Далее нутро короля охватили бурлящая страсть и агония. Он чувствовал силу, наверное, именно ту силу оуоамма, о которой говорил Бэл.

– Спасибо тебе, великий фомор, повелитель огня и хранитель тайн солнца! Я нарекаю сей меч Каледвулхом, Выигрывающим Битвы, – без запинки ответил Артур. Он уже представлял, как идёт с этим мечом в бой.

– Это был мой долг: передать меч великому правителю людей. Только после этого я могу отправиться в сон, как предрекал Творец. Время настало.

– Но я не великий правитель...

– Нет, великий. Уже великий! А станешь величайшим! Не забывай, в тебе живут три силы!

– Отдать мне меч завещал Творец?

– Устами прошлого обладателя этого меча.

– И кто это был?

Возможно, первый раз на каменном лице фомора появилось подобие улыбки. Но ответа не последовало. Вместо этого Бэл продолжил:

– Я уйду. Так же, как ушли иные оуоамма. Теперь миром будут править люди. У вас пока нет той мудрости и мощи, какой владели мы. Но глядя на властителей вроде тебя, Артур, я хочу верить в то, что люди превзойдут нас в знаниях и не допустят наших ошибок! Вы не одни в мире, вас окружают сидхе, духи Земли, и существа, о которых вы даже не догадываетесь... Герб на твоей кирасе... В чём его смысл? Что это за зверь?

– Лев.

– Ты видел такого зверя?

– Один раз. В Лондиниуме у римлян.

– Этот зверь чужд землям Дану. Он не принесёт тебе славы... Верь лучше им! – Бэл показал рукой на туннель пещеры. Из него к арке выхода тяжёлой поступью вышел красный дракон. Наверное, если бы он поднялся на задние лапы, распрямился, то стал бы выше, чем Бэл. Следом, грациозно обогнув его, процокал копытами белоснежный единорог.

«Единорог!!! Белоснежный!!! Тот самый!» Сон ли то был, явь – уже не важно. Случайностью это не было...

Артур стоял замороженный. Из пасти огромного красного зверя иногда выпрыгивали языки пламени, по спине, как плащ, стелились аккуратные, но в то же время жилистые и мощные крылья. Дракон смиренно присел на задние лапы, как собака, и преданно взглянул на Артура. Единорог продолжал стоять в небывалом величии и великолепии. Король ликовал: «Эти существа – не миф! Не глупые сказки детей и старух! Они всегда были рядом!»

– Они пойдут с тобой и помогут тебе прославить королевство людей!

– Как мне обращаться с ними?

– Прадери позаботится о них! Вернее, поможет... Как ранее помогал мне.

– У них есть имена?

– Ты не знаешь ни драконьего языка, ни языка единорогов, а давать другие имена подобным существам будет неуважением и к ним, и ко мне, и к природе... Дракон будет предан пуще любого другого существа, пока ты не отпустишь его со службы или не сделаешь чёрного дела, которое ему не понравится. Драконы верны, но чувствуют зло, ложь и измену! Пусть это будет тебе

назиданием. Единороги же не служат никому! У него есть свой характер, который не исправить. Он всегда будет бродить где-то рядом с тобой. Я умею читать жизни наперёд и, глядя в его глаза, вижу, что он однажды спасёт твою ценой своей...

Опять воцарилась тишина.

– Вселенная зовёт... Звёзды взошли...

– Когда я шёл к тебе, солнце и луна поменялись одиннадцать раз, я даже не знаю, сколько прошло времени с тех пор, как я покинул замок.

– Время – странная вещь, молодой король. Может быть, однажды и ты поймёшь это.

– Как ты почувствовал, что взошли звёзды?

– Камни сказали.

– На вершине холма?

– Да, они стоят так, обращённые к солнцу, к звёздам, к Вселенной и слушают голос мира, а после рассказывают мне обо всём, что в нём творится. Я буду спать и видеть в снах оставленный мир...

– Ты уснёшь здесь?

– Да, на нижнем уровне уже спят Ангус, Бран, Луг и другие братья клана... Надеюсь, когда я увижу долгий сон о тебе, Артур, властелин трёх сил, в нём будет мало тревоги.

Бэл уже лежал на спине, скрестив на груди руки. Его внутреннее сияние начало медленно угасать... Также перестал гореть пламенем его венок. Могучий фомор, казалось, начал сереть и обращаться в камень. Артуру стало не по себе. Только что он разговаривал с высшим существом, но это высшее существо также быстро оставило его. Дракон и Единорог у сводов тоннеля затихли, словно на время тоже стали каменными.

– Так всё же, кто вручил тебе этот меч? – не удержался Артур.

Недвижные губы тихо произнесли:

– Вяйнямёйнен!..

Глава 4. Пожары и бегство

Когда Скотт Брайан сказал своему другу-священнику о том, что давно перегорел по отношению к Хелен МакКинли, он слукавил. Напротив, при упоминании её имени вихрь эмоций закружился в его душе. Но виду он не подал. Не то чтобы был нечестен с Эндрю. Скорее, своим ответом пытался убедить самого себя, что Хелен ему безразлична. Но это оказалось не так...

Сердце вспыхнуло новым пламенем, лишь он услышал заветное имя. Сначала это был слабый-слабый огонечек... Эндрю, тайна, книги – представлялись гораздо более важными... Но вот когда Скотт шёл домой от священника, счастливый, хмельной, согреваемый тёплыми лучами закатного солнышка, он шептал её имя... «Хелли... Хелли...» Казалось, она идёт с ним рядом, как шла когда-то много лет назад...

У Скотта в жизни было много кратковременных неудачных романов в Глазго, в Лондоне... В Бирмингеме он страдал от унылого семейного быта, а тут...

«Хелен!»

Та самая, которая сказала ему «Нет!» в четырнадцать лет, когда он был ещё робким мальчиком. Ей, бойкой, подвижной и красивой, имеющей столько внимания от привлекательных юношей, занудный рыжий парень, проводящий всё свободное время со священником у старой церкви, был неинтересен.

Детские переживания первого влечения быстро забылись. Но через шесть лет им суждено было возродиться вновь уже с совершенно другой силой. То лето было одним из самых счастливых для Скотта... Он надеялся, что и для Хелен тоже...

Они приехали отдыхать в Камелон на время каникул в своих университетах. Скотт – из Глазго, Хелен – из Эдинбурга. И между молодыми людьми появилось самое настоящее *чувство*. Не чувство, возникающее между мальчиком и девочкой, а чувство между юношей и девушкой. Когда оба уже достигли такого возраста, чтобы не просто влюбляться, а испытывать влечение, страсть, думать лишь друг о друге, жить друг другом, гореть, страдать, *любить*...

Для них, ещё не испорченных жизнью, полных прекрасных начинаний, стремлений, это *чувство* было невероятно светлым, невероятно красивым...

Тогда Скотту казалось, что они созданы друг для друга. Пыхал он, пыхала Хелен...

Сейчас Скотт, которому было почти тридцать, при знакомстве с девушкой, конечно же, сразу бы думал о сексе. «А в чём тогда смысл знакомства, если не в этом?» Но тогда всё было по-другому... Тогда он был влюблён и полон только милых романтических стремлений...

Он не спешил. Он боялся, что если будет давить на Хелен, то сможет испугать её. Испортит такой красивый роман...

А лето постепенно кончалось...

И вот, прекрасной звёздной ночью, под луной, озарявшей величественные горы, у старого дуба – дуба, где проходили их встречи, где они в первый раз поцеловались, Скотт решил наконец-то взять Хелен... Он думал, что этот момент наступил...

А она ответила: «Нет!»

Нет! «Почему???» – Скотт этого не мог понять до сих пор. Ведь это было так логично, ведь красивый роман подходил к этому... Но она сказала «Нет!»

Нет! Это *нет* до сих пор довлело над Скоттом...

Вернувшись в Глазго, молодой человек засыпал девушку звонками и письмами, но Хелен реагировала холодно. Скотт не находил себе места, рвал и метал, хотел переехать в Эдинбург и продолжить учёбу там, но со временем утих и постепенно перевёл жизнь в спокойное русло. Что тогда было на уме у Хелен, страдала ли она, нет, осталось ведомо только ей одной.

Женщин в жизни Скотта было немного. Женщин, с которыми был секс. Скотт мог вспомнить их при желании, но желания такого особо не было. Все эти женщины ничем особенным не запомнились. Не красивые и не страшные, не умные и не глупые... обычные!

А о Хелен он помнил всегда! «Неужели только потому, что она не дала мне???» – иногда задавался вопросом Скотт, – «Я так часто думаю о ней лишь по этой причине? Недостигнутая цель?.. Или есть всё-таки в жизни реальные чувства?.. духовные... возвышенные...»

К моменту романа с Хелен Скотт девственником уже не был. В Глазго у него были женщины... Две! Но вспоминать о них даже не хотелось... Так, для галочки... Утвердить себя в статусе молодого самца и не позориться среди сверстников...

Но чувств при этом хотелось... И вот, Хелен! Хелен!

А после Скотт никогда не испытывал ничего подобного. «Наверное, каждому возрасту – свои чувства», – решил он. Он любил жену Меган, но любил по-другому... По-зрелому, по-взрослому... без той страсти, без того огня...

Что бы было, если бы Хелен сказала «Да!», Скотт не знал... Может быть, вошла бы в список тех безликих, *обычных*. Может быть, роман бы закончился свадьбой, а Хелен стала бы такой, как Меган... И Скотт бы бежал от неё ещё куда-нибудь, совсем далеко, в Америку, в Исландию, на Северный полюс...

Неизвестно, что было бы. Скотт не любил к прожитой жизни приставлять это глупое *если*. Всё случилось так, как случилось.

Но Эндрю напомнил о ней! «Зачем??? Мог промолчать???» Ведь Скотт, мчась на всех парах к нему, даже не подозревал, что девушка сейчас в Камелоне. Да ещё и одна! Это в тридцать лет! Думал, что она давно обосновалась в Эдинбурге, имеет мужа, растит детей... «Но нет! Она здесь!»

Скотт, гуляя вечером по Камелону, конечно же, не мог не пройти мимо её дома, где до сих пор сияла яркой белизной калитка, у которой девять лет назад заканчивались их свидания. Только прошёл украдкой. «Не дай бог, заметит ещё!»

Он посидел под раскидистым дубом, где они первый раз поцеловались и где он услышал то самое слово, самое короткое, самое роковое.

«Глупости!» – уже дома он разговаривал сам с собой, – «Не лги себе! От чего ты сбежал? Зачем тебе Хелен? Переспать на одну ночь? Поставить галочку в невыполненном жизненном пункте? Не надо! Имей к ней уважение ради всех тех светлых чувств!.. Не мсти за то «Нет!» И даже не нужно думать о том, что бы вас могло ждать в гипотетическом браке! *О, да!* А то бы ты не метался в поисках себя... Не убежал бы от семейного очага в паб, пропитанный запахом хмеля... *Да, да, да!* Хелен бы тебя во всём понимала и поддерживала... У вас были бы дети, ваша семья была бы счастливой, и жили бы вы долго и счастливо и, как говорят в сказках, умерли бы в один день... *Ложь!!!* Это – не сказка, это – реальность! Сказки кончаются свадьбами, а реальность только начинается с них. Успокойся, Скотт Брайан! Ты не создан для семейной жизни. Тебя завтра ждёт стопка книг, а не Хелен МакКинли!..

...но тогда почему она мне сейчас снилась? Или ещё продолжает сниться? Склоняется надо мной и зовёт... нет, кричит: «Скотт! Скотт!»»

– Скотт!!! Вставай!!! – почти в истерике голосила Хелен, нависая над ним и судорожно теребя. Он, пробудившись, резко вскочил с незастеленного дивана. Выпитый вечером алкоголь, разогнанный стремительным подъёмом, моментально ударил в голову. Скотту сделалось дурно, он присел обратно на диван, не понимая всего происходящего. В глазах витала муть, и образ девушки, стоявшей в шаге от него, расплывался в тёмных очертаниях комнаты. «Но ведь это она! Хелен МакКинли! Зачем пришла? Как попала в дом?»

– Как... – уже было начал он.

– Скотт, церковь горит!!! Эндрю...

За долю секунду к Скотту вернулся рассудок, и мутная пелена перед глазами рассеялась. Этих слов было достаточно. В стремительном порыве, забыв, что сейчас почти голый, в одних трусах он выскочил на улицу. Маленький уютный городок с живописными зелёными улочками и невысокими домами покрывало багровое зарево. Огонь объял старую церковь Святого Джона целиком, её башня с каменным основанием и крышей из красной черепицы была похожа на зловещий гигантский факел. По городу раздавались крики людей, приближался вой сирены. Видимо, пожарные только-только подъезжали... «Эндрю! Что с ним!» – Скотт уже был готов босиком побежать к эпицентру стихии, как около калитки из-за дерева выросла чёрная фигура: – Вот он!!! – человек указал в его сторону.

Повинуясь слепому инстинкту самосохранения, Скотт кинулся назад в дом и запер за собой дверь. Всё это произошло так быстро, что Хелен до сих пор оставалась стоять на том самом месте рядом с диваном. Люди на улице уткнулись в закрытую дверь и забарабанили по ней:

– Откройте! Полиция!

Скотт метнулся к окну, что выходило в сад, распахнул его и тут же замер на мгновение. В голову пришла внезапная идея...

Он схватил Хелен, пребывавшую в ступоре, за руку и дёрнулся по направлению к гостиной. Лет пятнадцать назад Брайаны поставили дома небольшой уютный газовый камин вместо здоровенной махины с жаровней и выхлопной трубой шириной больше метра. В шахте этой выхлопной трубы отец Скотта соорудил многоуровневый чулан со множеством полок. На верхние поднимались по вертикальной лестнице, упиравшейся в стену. Дверью в этот чулан являлся лёгкий кусок пластика, стоявший на роликах и имеющий такие же обои, как основная стена, так что место стыка было почти незаметно. По крайней мере, для тех, кто оказывался в доме в первый раз.

Подросток-Скотт подшучивал над новым помещением в своём доме, что, мол, когда к нему в гости начнут ходить толпы девушек, он их будет прятать в этом чулане, а потом тайно выводить из дому. Но толп девушек у него так и не появилось, и юношеские фантазии зачахли. Однако сегодня их всё же пришлось воскресить. И первой девушкой, погостившей в его чулане, оказалась не кто иная, как Хелен МакКинли.

Он затолкнул её в узкое помещение первой, дальше влез сам и захлопнул дверь-стену. В этот момент у входа в дом раздался выстрел. Далее последовал удар ноги, после которого замок, а Скотт помнил, что замок на двери был очень крепким, всё же вылетел. Входная дверь открылась. Люди, назвавшиеся полицейскими, ворвались в дом.

– Сбежал! – Тут же крикнул один из них, видимо, увидев раскрытое окно, – Ты и ты – в сад! Сорок четыре – Б – тридцать и сорок четыре – Б – тридцать один пусть начинают обходить дом с крыльца! Сорок четыре – Б – двадцать, бери остальных людей, переверните весь дом! Будьте начеку, а то, быть может, у нас не одни священники окажутся на деле головорезами-профи.

Скотт и Хелен стояли в темноте, прижавшись друг к другу. Девушка тряслась. Хозяин дома смог лишь приложить палец к губам и шёпотом произнести: «Тссс!», когда незнакомцы выламывали дверь. Теперь Скотт обнял подругу, пытаясь чуть успокоить, дабы она не издала резких звуков в самый неподходящий момент. Но Хелен всё понимала. Мускулы её лица были напряжены, а губы сжались, будто плотные ставни. Она боялась даже дышать. Прижавшись к ней, Скотт услышал, как бешено колотится его сердце, готовое выпрыгнуть из груди. Чувствовал он и менее сильные, но такие же быстрые биения в теле Хелен. Ворвавшиеся люди переворачивали мебель, открывали все двери, звучно распахивали окна, но так и не догадались, что за стеной в гостиной может что-то *или кто-то* находиться...

Часы это были или минуты, но они показались Скотту вечностью. Наверное, как и Хелен. Обыск в доме всё продолжался. Наконец, один из подчинённых обратился к командиру:

- Докладываю: никого не обнаружено!
- Проклятье! Успел уйти! Сорок четыре – А – двадцать пять, сюда!

У входа раздались шаги:

- Слушаю!

– Ушёл... В окно! Девка не выходила из дверей, значит, она тоже с ним. Оцепите город, подключите полицию. Скорее всего, случай уже получил огласку, ждите репортёров. Главное, что они должны знать: маньяк совсем рехнулся, убил священника и сжёг церковь.

Убил священника! Сейчас Скотт был готов закричать сам! «Эндрю мёртв... Друг детства, которого я был так рад сегодня видеть, мёртв! Кто и за что сделал это? Его находка? Комиссия, которую он ждал? И что ещё за маньяк?» – задал вопрос Скотт сам себе и тут же огромный ком застрял у него горле... Маньяком был он! Именно его сейчас должна была начать искать полиция и *эти люди*. Скотт уже понял, что они явно не полицейские. «Проклятье, да что здесь вообще творится!»

Когда нервы Скотта были уже на пределе, он услышал слова зловещего командира:

– Так, всё! Остальные – дежурить на улице! Двое охраняют вход! Полицию не впускать, пока я не разрешу. Оставьте меня одного. Я сам хочу кое-что посмотреть здесь.

«*Кое-что?* Книги! Библиотека Эндрю! Вряд ли *ему* было бы здесь интересно что-то ещё!...»

Подчинённые ушли. Было слышно, как человек опустился на диван, на котором совсем недавно спал счастливый Скотт и тяжело вздохнул. Далее было слышно лишь копошение. Человек рылся в книгах, листал их, затем отбрасывал в сторону... Любой резкий звук, будь то перевёрнутая страница или упавшая на пол книга заставлял вздрогнуть... А затем молодые люди в укрытии некоторое время слышали лишь тишину, которая стала пугать ещё больше, чем звуки обыска.

Наконец, незнакомец подал признаки присутствия: он достал мобильный телефон. Гнетущее чёрное безмолвие разрезали пронзительные электронные сигналы. Каждая кнопка, на которую он нажимал, набирая номер, издавала звук, сродни выстрелу...

– Один – А – один! Говорит Сорок четыре – А – один! – с каждым словом голос становился всё более пугающим, так и отдавал железным лязгом. Его обладатель делал паузы, выслушивая собеседника. Звуки с улицы, рёв пожарных машин и возгласы горожан почти не долетали в тишину чулана. Зато из-за хорошей акустики дома и невероятно обострившегося слуха порой можно было расслышать голос в трубке.

– Сомнений нет! Мы снова напали на след меча и теперь находимся почти в шаге от него, – говорил незванный гость дома.

– Вы уверены в этом на сто процентов? – отозвались на другом конце.

– Да, да. Я же говорю вам, что уверен. Сопоставляя это со вчерашними новостями из России и имея на подобное право и власть, *я объявляю о старте проекта «Калевала»!*

Последняя фраза была сказана с таким пафосом, с таким восторгом, так властно, зловеще, что Скотт почувствовал, как подкашиваются его ноги. «Нет! Нет! Стоять, держаться!»

– Хм... Что же, я принимаю ваше заявление и приступаю к выполнению своей части проекта. Совет Девяти уже осведомлён? Что говорит Семь – А – один? – прошумело в это время в трубке

– Семь – А – один в курсе! Мы обсуждали с ним *это*, и я сказал, что сообщу вам, если информация о мече подтвердится. Мы снова свяжемся чуть позже, и я повторю сказанное.

– А Совет Девяти? И как быстро вы сможете найти меч?

– Быстрее, чем Совет соберётся... Я сделаю это в ближайшие сутки, – Скотт снова услышал глухой шлепок. «Одна из толстых книг Эндрю... Всё это время не выпускал её из рук...» – Ключ у меня под рукой, – продолжал незнакомец в комнате, – Собравшись вместе, Совет

получит меч... Помните, мы должны информировать *их* в случае удачи, но сообщать каждому по отдельности о незначительных фактах на пути достижения цели будет глупо...

– Что слышно об Асимане? Если текущее положение дел узнали вы, значит, скоро узнает и он.

– Узнает. Несомненно. Но он один, и не сможет разорваться. Он появится либо в моём поле зрения, либо в вашем, либо в России, либо на востоке. Но свою партию он почти проиграл.

– Вы настолько уверены?

– Сегодня я потерял двух людей категории «Б» только из-за того, что центр не дал мне информации о священнике-садоводе. Оказалось тот раньше служил десантником и воевал на Фолклендах! Но больше таких просчётов не будет! Я возьму ситуацию под личный контроль. Люди, владеющие данной информацией и допускающие *такие* просчёты, не будут работать в центре. Каждого виноватого, совершившего ошибку, ждёт утилизация... Если я, если вы искренне и самоотверженно сражаемся за будущее мира, другие должны сражаться также искренне и также самоотверженно. Итак, повторяю: *проект «Калевала» запущен!* Активизируйте все свои силы! И ждите Асимана... Рано или поздно он придёт...

– Я выполню все, что в моей компетенции... Вы также ждите его. И выполняйте вашу работу. Удачи!

– К чёрту удачу! На этот раз наш расчёт должен стоять выше всех удач.

Человек, представившийся как Сорок четыре – А – один бросил трубку. Он стал что-то перечитывать шёпотом. Но некоторые слова слышались особо отчётливо:

– Гринфорт... Знакомое название... Где же ты, Гринфорт?.. И ещё эти двое... Необходимо как можно быстрее их поймать...

Он начал было набирать другой номер. Но вдруг остановился. Точно застыл... «Неужели что-то в доме показалось ему странным!» Словно приняв себя, плавными шагами он заскользил в гостиную. «Учуял нас, словно зверь... Как такое возможно? И что делать?» Поступь была мягкой, почти не слышной, но Скотт ощущал её. А обладатель поступи, похоже, уже давно ощущал их. Девушка вцепилась в Скотта, но он легко встряхнул её. Дал знак, чтобы отпустила. Чуть успокоившийся сердечный ритм забарабанил с новой неистовой силой.

Хозяин дома знал каждую вещь, лежавшую в его чулане. Он помнил, что на одной из нижних полок хранились тяжёлые топоры. Ими пользовались крайне редко, но хранить на верхних полках их было опасно, вдруг что да упадёт. Человек снаружи явно чувствовал, а может, и слышал каждый шорох за стеной, но решения пока не принимал... «Почему? А, к чёрту! Значит, решение должен принять я!»

Рука зловещего гостя медленно тянулась за пояс к кобуре с оружием в тот момент, когда в стене резко открылся проём, откуда прямо ему в лоб вылетел тяжёлый топор дровосека.

– Зря от удачи отказался... Тварь... – Скотт тяжело дышал, сжимая деревянную рукоять, топорщице смотрело в пол, – Она бы тебе не помешала!.. – он пнул ногой бездыханное тело под ребро. Увидел руку на кобуре...

«Повезло... Чёрт возьми, повезло! Ещё секунда – и выстрелил бы! Успокойся, Скотт, теперь успокойся... Да, ты убил... Fuck!!! *Убил, Убил!* Но другого выхода не было... А теперь думай, думай, что делать дальше...»

Скотт посмотрел на лицо убитого, вернее, на то, что от него осталось. Железо разбило лоб и переносицу, почти дошло до рта, оставляя глубокую вертикальную рану. Череп был проломлен... Страшное оружие Скотта смогло, в прямом смысле этого слова, выбить недоброжелателю мозги.

Скотт переводил дыхание и с каждой секундой становился всё более спокойным. Того же самого нельзя было сказать о Хелен. Она стояла на выходе из чулана, и даже во мраке было видно крупные слёзы, катящиеся из её глаз. В самих же глазах плясал ужас. Рот скривила гри-

маса. Девушка сжалась и готова была закричать в одичалом припадке. Скотт мягко отбросил топор, взял Хелен за плечи, стал гладить по голове, пытаясь вывести из состояния шока:

– Тихо, тихо... Ну, тихо! Хелли, надо уходить! – она немного притихла.

Скотт начал лихорадочно обдумывать случившееся: «Кто эти люди? Спецслужбы? Мафия? Неважно! Они убили Эндрю, а теперь хотят убить меня... Звонить в полицию? Безумие! Слышал же, что полиция с ними, и, видимо, уже сама разыскивает меня, Скотта Брайана, якобы спалившего церковь вместе со священником... Убитый! Он, видимо, был главным... Вот, дерьмо! За смерть их начальника меня не простят! Однозначно, я – почти мертвец! Так... нужно забрать его оружие...» – Скотт бросился к трупу, вытащил пистолет из кобуры. А ещё нашёл в одном из внутренних карманов убитого вчерашний свиток Эндрю. «Ага... Вот, что он шёпотом перечитывал». Чуть выше запястья убитого, видимо, так, чтобы можно было скрыть под рукавом, Скотт увидел татуировку, буквально дюймом в диаметре, в виде необычного символа буквы А в круге. «Сорок четыре – А – Один... Вряд ли символ А – это совпадение...»

Пытаясь убрать куда-нибудь трофейный пистолет, Скотт, наконец, сообразил, что всё это время был почти голым. «Повод улыбнуться, но как-то не улыбается...»

В спальне были быстро найдены футболка, джинсы и кроссовки. Однако сунуть пистолет за пояс Скотт не спешил. Напротив, он снял его с предохранителя и тихо подошёл к окну. Там стояла тишина... Но он помнил, как на него у дверей из ниоткуда выскочила тень. Отойдя от окна, Скотт поймал взгляд Хелен.

– Я... хочу... домой... – всхлипами, почти срываясь, проговорила она, – К маме... И папе...

– Нельзя, Хелли... Нельзя... Ты знаешь, кто *они*?

Сил отвечать не было, она только отрицательно покачала головой.

– И я нет... Но *они* охотятся за нами... Ты слышала?

– Да... – опять через силу выдавила девушка.

– Нам в город нельзя... Нужно бежать через окно, можем выскочить в сад... Если перебежим Глазго-роуд, окажемся в лесу. Они наверняка будут караулить и там, но другого выхода я не вижу. А так... хотя бы будет шанс. А потом... Не знаю, что потом...

– А мой... дом... родители... там всё... нормально?..

– Конечно, – сказал Скотт и осёкся, тяжёлый ком застрял у него в горле, – Должно быть... Хелен тряслась:

– И зачем... я пришла сюда!..

– Да, зачем? – задал Скотт аналогичный вопрос.

– Эндрю... попросил...

– Эндрю?!

– Да... разбудить тебя... если *что-то* вдруг случится с ним... этой ночью...

– Когда он просил???

– Вчера... вечером... часов в десять...

– Он знал! «Значит, только прикидывался, что не может понять происходящего. А сам понимал, чем всё может обернуться, а потому оставил мне навалившиеся проблемы, но также дал и шанс... совершить открытие... Но зачем? Друг, верный друг, во что ты меня втянул?»

Возле дома послышалась новая сирена, уже не пожарная.

– Полиция! – раздался один голос за дверью.

– Сожалею, сэр, но сейчас на месте работает эксперт спецслужб. Вы сможете осмотреть дом позднее... – ответил другой.

«Спецслужбы!» – крик отчаянья разорвал Скотта изнутри, – «Что вообще происходит! Разве я таких перемен просил от жизни!». Он попытался взять себя в руки. Нужно было здраво оценить положение: «Дежурный стоит на входе. Он пока не пускает полицию... Но наверняка дом охраняют по периметру ещё несколько. Да и главный посылал людей в сад... Они заме-

тят меня и Хелен, выпрыгивающих из окна. Значит, нужно как-то отвлечь их... Но как?» Он вслушивался в ночь, в затихающие голоса и шумящие машины. Принюхивался к запаху гари, проникавшему через окно. И запах подсказал ему, что делать...

– Хелли, слушай меня! Во-первых, этот человек говорил только про нас и про Эндрю... Не про твоих родителей! Во-вторых, я не хотел тебя в это впутывать и... не хотел впутываться сам. Нам вверил своё непонятное наследство Эндрю. Ради чего? Я не знаю. Но я знал его! Он был моим лучшим другом! И ты его хорошо знала! Он не из тех людей, кто мог бы подставить своих близких. Наверное, выбора у него не было... И... видимо, он не желал, чтобы эти люди нашли то, что искали...

Скотт выждал паузу, поймав в глазах Хелен доверие.

– По моей команде мы прыгаем в окно и бежим в сторону леса... Да?

– Да! – уже более уверенно ответила его подруга.

– Но сначала ждём пять-десять минут...

Скотт придвинул диван к закрытому окну, что находилось слева от открытого, и начал складывать на него стопки книг. «Что бы ни случилось, от разгадки я вас отдалю!» К массивной груде книг добавилась стопка старых газет из спасительного чулана. Скотт развернул каждую, стараясь уменьшить их толщину, но покрыть большую площадь дивана. После расправы с газетами он бросил к ним древний свиток, оригинал... Копия Эндрю по-прежнему лежала в кармане его джинсов.

Хотелось взять самую толстую книгу. Её, именно её, сомнений не было, убитый держал в руках дольше всего, а после телефонного разговора отбросил. «Но как бежать с ней? Безумие... Загадки на потом! Сейчас важнее выжить!»

В руке Скотта чиркнул кремьёв зажигалки. Огонь мгновенно охватил груды старой бумаги.

– Будь готова! – напомнил он Хелен.

Газеты полыхали. Старые книги занимались неохотно. Зато огонь стал пожирать тряпичную обшивку дивана, а затем перекинулся на шторы. Вскоре пламя объяло полкомнаты.

– Горит! – раздался голос под окном. Был слышен топот быстрых шагов. Значит, дежурный кинулся предупредить людей у главного входа. План Скотта оправдывался...

– Пора! – негромко, но настойчиво выпалил Скотт.

Он бросился к окну и выпрыгнул, Хелен – за ним. В последний момент показалось, что в доме открылась входная дверь, а вслед полетели брань и проклятия. Но после того, как оказался на улице, Скотт уже ничего не слышал, кроме свиста ветра в ушах. Стремительно он и его несчастная подруга перемахнули через забор сада. Пустая Глазго-роуд была отлично освещена. Только когда беглецы оказались на другой стороне дороги, их заметили. «Ловите тех двоих!» – раздался крик за спинами. А они уже во весь опор неслись прочь от трассы. Впереди на склоне холма начинался густой массивный лес. От Глазго-роуд до него было больше пятисот ярдов. Частые деревья в предлесье помогали сбить погоню с толку. Ветки стегали по лицу и плечам, дыхание сбивалось, пот стекал в глаза, колело в печёнке, ноги казались ватными... Но тёмная гряда леса всё приближалась и приближалась. «Сзади погоня, но нет ли засады среди этих деревьев!» – эта мысль терзала Скотта на бегу, но изменить ничего уже было нельзя. Оставалось совсем немного, когда из-за очередного толстого ствола к ним метнулся ослепляющий луч фонаря. «Бежим! Бежим!» – кричал Скотт Хелен. «Стоять на месте! Не двигаться!» – раздавались голоса вслед. Потом прогремел один выстрел... другой... «Это конец!» – мелькнуло в голове Скотта, – «А может, это сон?» – обнадёжил он себя, – «Во снах тоже происходят невероятные события. Творится полная околесица, хотят убить, гонятся, стреляют. И всегда так страшно... И ноги ватные... А перед тем как совсем-совсем должны убить ты просыпаешься! Вот-вот, сейчас сон закончится, и наступит явь...» Но явь не наступила. Зато начался лес! Тёмная густая чаща скрыла их фигуры от погони.

Голоса ещё звучали за спиной, а ярко-голубой свет ручных фонарей резал темноту. В погоне участвовало несколько человек. Но теперь Скотт понимал, что шансы на спасение в разы увеличились.

Во-первых, это был его родной лес, который он знал наизусть даже без больших дорог и тропок. «Это было давно, когда я гулял здесь... Облазил лес вдоль и поперёк... Но я не забыл его... И лес не забыл меня! Он поможет, поможет!»

Во-вторых, Скотт обладал весьма уникальным и, как он думал раньше, бесполезным даром. Он мог совершенно спокойно ходить по лесу ночью в кромешной темноте, не спотыкаясь, не натываясь на сучья, обходя грязь, лужи, заросли и иные преграды. Фантастическое чутьё, дар ориентирования нельзя было чем-то объяснить. Прежде, в далекой юности, Скотт использовал его только для ночных одиноких задумчивых прогулок по окрестным лесам... А вот теперь этот дар пришёлся как нельзя кстати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.